2016

Отчет по результатам мониторинга мест принудительного содержания в Республике Беларусь

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Заключенные

В 2016 году в Беларуси произошло снижение количества правонарушений: по данным Министерства внутренних дел зарегистрировано 92 943 тыс. преступлений, что составляет 95,8% к уровню 2015 г.

На 100 000 человек населения в 2016 г. в республике зарегистрировано 978 преступлений (в 2015 г. – 1 022 преступлений). Как это сказалось на количестве заключенных?

В 2016 году продолжился рост количества заключенных исправительных учреждений.

На 1 января 2017 г. в местах лишения свободы содержалось 35,2 тыс. человек[1], что на 5,5% больше, чем на соответствующую дату 2016 г., в том числе в исправительных колониях для взрослых – 28 тыс. человек (на 9% больше), воспитательной колонии для несовершеннолетних – 279 человек (на 20,8% больше). Количество заключенных СИЗО снизилось – 6,4 тыс. человек (на 7,3% меньше, чем по данным на 1 января 2016 года), тюрьмах – 549 человек (на 1,1% меньше).

Этот показатель растет уже третий год; до этого несколько лет наблюдалась тенденция снижения количества заключенных.

Таким образом, на 1 января 2017 года в Беларуси насчитывается 372 заключенных на 100 000 человек населения (без учета осужденных к уголовному аресту на срок до 3-х

[1] По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, mvd.gov.by

месяцев, ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа и заключенных в лечебно-трудовых профилакториях).

Однако в число заключенных по официальной статистике не вошли те, кто отбывал наказание в виде ограничения свободы, ареста; был изолирован в ЛТП, осужден к административному аресту, а также принудительно лечился по приговору или решению суда. К числу заключенных официальная статистика не относит несовершеннолетних, которые содержатся в специальных учебно- и лечебно-воспитательных школах закрытого типа.

Данных о количестве заключенных арестных домов нет. Всего к аресту судами Беларуси в 2016 году были осуждены 7 266 человека. В 2015 году к аресту были приговорены 7 126 человек, за 2014 год – 7 312 человек.

Данных о количестве заключенных в ИУОТ нет. Всего в 2016 году осуждено к ограничению свободы с направлением в исправительные учреждения открытого типа 3 024 человека[2]. В 2015 году – 3 322, в 2014 году – 2543 человека. Последние сведения о количестве заключенных в ИУОТ датированы маем 2015 года, когда в них содержались три с половиной тысячи человек.

Административный арест в 2016 году назначен 41921 лицу. За 2015 год административный арест назначен 39 724 лицам, а за 2014 год – 35674 лицам.

По данным на 1 сентября 2016 года, в ЛТП находятся в заключении 6 788 человек, из них – 1 341 женщина.

Институт исследований в области уголовной политики (ICPR) имеет сведения о 29 776 заключенных в Беларуси только по состоянию на 01.01.2015 года. Таким образом, эта организация, определив количество заключенных в 314 на 100 000 человек населения поставила Беларусь на 31-е место в мире, третье (после Туркменистана и России) – на постсоветском пространстве, второе (после России) – в Европе.

Из всех заключенных 7,5% составляют женщины; 0,5% - несовершеннолетние и молодые заключенные (имея в виду, очевидно, содержание некоторых совершеннолетних в колонии для несовершеннолетних).

3,1% заключенных на 01.01.2015 года – иностранцы.

Данные о вместимости пенитенциарной системы предоставлены ICPR только по состоянию на 31.12.2009 год, и являются неактуальными в связи с масштабными изменениями в системе исправительных учреждений.

Организация Prison Policy Initiative определила количество заключенных в Беларуси в 306 на 100 000 человек населения (источник и дата, на которую определено количество заключенных неизвестны; хотя в исследовании есть сведения о том, что данные берутся в всё у той же ICPR)

[2] По данным Верховного Суда Республики Беларусь, court.gov.by

Исправительные учреждения

После реализации норм Указа Президента Республики Беларусь от 28.05.2014 № 242 «О совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел» в Беларуси осталось 15 исправительных колоний, 1 воспитательная колония для несовершеннолетних и 3 исправительных колоний-поселений, 6 следственных изоляторов и 3 тюрьмы, 29 исправительных учреждений открытого типа. Также в составе Департамента действует 9 ЛТП.

В структуре Департамента исполнений наказаний осуществляют хозяйственную деятельность двенадцать унитарных предприятий на базе исправительных колоний (Республиканское производственное унитарное предприятие «№ 4», Республиканское производственное унитарное предприятие «ИК 8 – Поиск», Республиканское производственное унитарное предприятие «Семнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительная колония № 2 г. Бобруйска», Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительное учреждение № 5», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 9», Республиканское унитарное производственное предприятие «Одиннадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 12 – ВАЛ», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 13 – Березвечье», Республиканское унитарное производственное предприятие «Четырнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Пятнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 20»), два предприятия на базе ЛТП (Республиканское производственное унитарное предприятие «ЛТП-1», Республиканское производственное унитарное предприятие «Единица»). Кроме того, хозяйственную деятельность от собственного имени осуществляют остальные семь ЛТП.

К выполнению оплачиваемых работ привлекается по данным на начало 2015 год 69,1 процент заключенных колоний и тюрем.

Рекомендации:

– вывести Департамент исполнения наказаний из подчинения Министерства внутренних дел с передачей в подчинение министерства юстиции;

– департаменту исполнения наказаний периодически в течение года публиковать данные о количестве и составе заключенных, о количестве заключенных в каждом исправительном учреждении с указанием норм его наполняемости;

– министерствам здравоохранения и образования публиковать данные о количестве лиц, находящихся в закрытых лечебных и учебных учреждениях;

– государству сотрудничать с международными организациями и предоставлять им актуальную информацию о состоянии дел в учреждениях, исполняющих наказания.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОДЕРЖАНИЕМ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

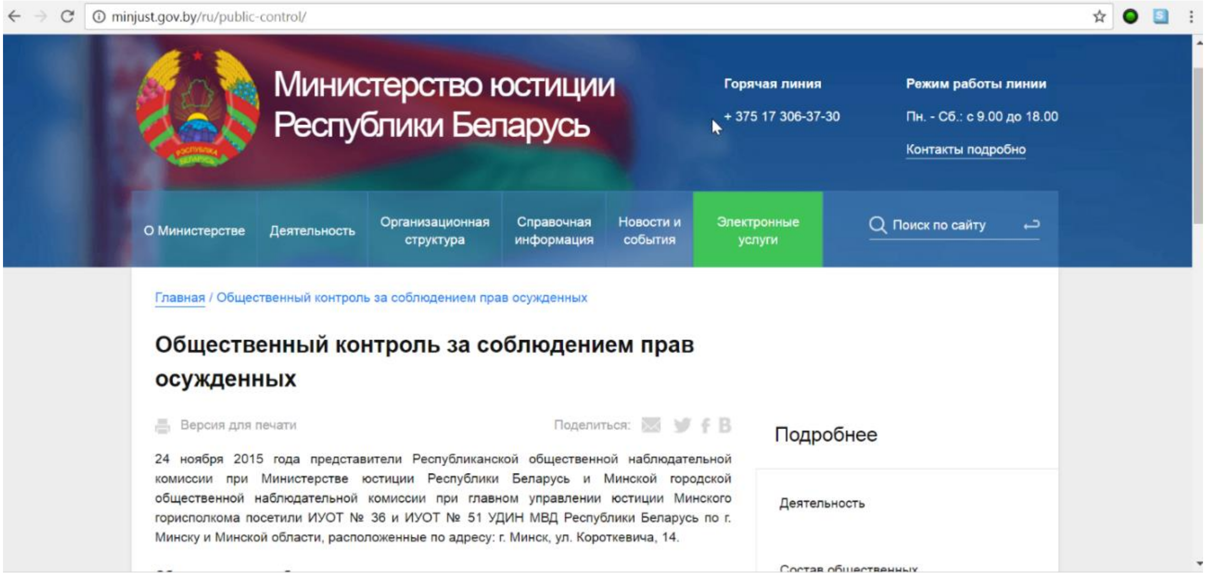
Количественные показатели деятельности

За 2013 год комиссии посетили 8 мест лишения и ограничения свободы.

За 2014 год представители общественных наблюдательных комиссий (всего восемь комиссий) посетили 7 учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности.

За 2015 год на сайте Министерства юстиции содержится информация о посещении членами комиссий восьми ОНК трех учреждений ДИН МВД.

К тому же к 2015 году относится последняя публикация о деятельности ОНК на сайте Министерства юстиции. За 2016 год сведения остались в тайне (по состоянию на конец февраля 2017 года).

Состав комиссий

В соответствии с Положением о порядке осуществления общественными объединениями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 15.09.2006 № 1220, членами комиссии могут быть граждане Республики Беларусь, достигшие возраста 25 лет, являющиеся представителями зарегистрированных в установленном порядке общественных объединений, уставной целью или направлением деятельности которых является защита прав граждан, в том числе содействие защите прав осужденных к наказаниям и иным мерам уголовной ответственности, и иных общественных объединений. Представители не зарегистрированных в установленном порядке объединений, инициатив и групп граждан, а также некоммерческих организаций, созданных и зарегистрированных в форме фондов и учреждений, в состав ОНК не включаются.

Как раз представители «иных общественных объединений», деятельность, цели и задачи которых не связаны с защитой прав граждан, в том числе осужденных, и являются в подавляющем числе членами комиссий.

Порядок образования комиссии

Общественное объединение, выдвинувшее кандидатуру члена комиссии, направляет в Министерство юстиции (главное управление юстиции областного (Минского городского) исполнительного комитета) предложение об утверждении данной кандидатуры и представляет для утверждения характеристику и личный лист кандидата в члены комиссии по форме, утверждаемой этим Министерством.

Министерство юстиции (главное управление юстиции областного (Минского городского) исполнительного комитета) принимает решение об утверждении кандидатуры члена комиссии либо об отклонении предложенной кандидатуры. Персональный состав Республиканской комиссии утверждается приказом Министра юстиции Республики Беларусь. Персональный состав областной, Минской городской комиссий утверждается приказом начальника управления юстиции соответствующего областного, Минского городского исполнительного комитета.

Это означает, что формирование общественной структуры для проведения общественного контроля находится целиком в ведении органа исполнительной власти.

Положение не предусматривает определенного порядка отбора членов ОНК из числа кандидатов, равно как не предусматривает критериев, по которым претенденты в члены ОНК включаются в ее состав. Установлены лишь формальные основания для отказа: членами комиссий не могут быть лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость либо признанные по решению суда недееспособными или ограниченно дееспособными, а также судьи и адвокаты. Кроме того, членами областных наблюдательных комиссий не могут быть члены республиканских и международных общественных объединений, не имеющих своих организационных структур, зарегистрированных в соответствующей области.

Сфера контроля

Сфера контроля ОНК ограничена исправительными учреждениями открытого типа, арестными домами, исправительными учреждениями, уголовно-исполнительными инспекциями территориальных органов внутренних дел. Контроль следственных изоляторов ограничен контролем в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Таким образом, контроль соблюдения прав в СИЗО в отношении лиц, заключенных под стражу до решения суда, в изоляторах территориальных органов внутренних дел, ЛТП, центрах содержания правонарушителей, приемниках-распределителях и иных местах несвободы не входит в компетенцию ОНК.

Права членов комиссии

Члены комиссии вправе посещать исправительные учреждения только после получения соответствующего разрешения в управлениях Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по области, по г. Минску и Минской области. Для получения разрешения подается заявление, где указывается цель посещения и количество членов комиссии. Это означает, что орган, чью работу контролирует ОНК, вправе отказать контролирующему субъекту в предоставлении возможности осуществлять контроль, а равно знать заранее детали контроля.

Разрешение руководителя территориального органа внутренних дел требуется даже для посещения уголовно-исполнительной инспекции территориального органа внутренних дел –

обычного учреждения ОВД, где нет режимных ограничений, и который обычный гражданин может посещать без разрешений.

Не закреплено в законе право членов ОНК беседовать с осужденными наедине. Из прежней редакции Положения изъято прямое указание на то, что беседа производится в присутствии сотрудника исправительного учреждения, но это не означает гарантии на беседу наедине в условиях, когда сотрудники ИУ не осуществляют контроль за содержанием беседы (как это закреплено, например, в законодательстве об адвокатуре).

После получения разрешения на посещение учреждения или данной уголовно-исполнительной инспекции комиссия предварительно информирует начальника учреждения о дате и времени посещения.

При осуществлении контроля членам комиссии запрещается осуществлять кино-, фото-, видеосъемку и аудиозапись; принимать от осужденных, отбывающих наказание в виде ареста, лишения свободы, пожизненного заключения, письменные обращения. Эти запреты выхолащивают возможности членов ОНК по контролю за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности. Так, обнаружив соответствующее нарушение, член ОНК лишен возможности его зафиксировать на фото и видео. Также, в случае получения членами ОНК сведений о пытках, жестоком обращении с заключенными, нет возможности зафиксировать следы побоев, получить от заключенного на месте письменные свидетельства или объяснения.

Наконец, у заключенного нет возможности вступать в конфиденциальную переписку с ОНК.

Финансирование деятельности комиссий

Общественное объединение, выдвинувшее кандидатуру члена комиссии, вправе возмещать члену комиссии расходы, связанные с осуществлением его деятельности. Финансирования деятельности комиссий государством не производится.

Развитие института общественного контроля

Последние изменения в законодательство об ОНК внесены в 2011 году и предусмотрели:

– право членов ОНК проводить анкетирование лиц, содержащихся в учреждениях, по форме, утверждаемой Министерством юстиции по согласованию с Министерством внутренних дел;

– запрашивать у администрации учреждения сведения и документы, необходимые для проведения общественного контроля и подготовки заключений, за исключением документов из личных дел заключенных.

Сам факт ограничения возможности анкетировать заключенных какой-либо формой не обоснован. Анкета утвержденного образца не содержит многих важных для осуществления контроля вопросов; в ней много вопросов, для ответа на которые необходимо хорошо знать законодательство; есть чрезмерно общие вопросы.

Для оценки эффективности деятельности ОНК было бы важно узнать, сколько раз члены ОНК воспользовались правом запрашивать документы и сведения.

Место общественных объединений в общественном контроле

Участие общественных объединений в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, в *соответствии с Положением, осуществляется по следующим направлениям:*

– улучшение условий содержания и медико-санитарного обеспечения осужденных, содержащихся в учреждениях;

– участие в организации труда, досуга, обучения осужденных;

– участие в нравственном, правовом, культурном, социальном, трудовом, физическом воспитании и развитии осужденных;

– обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, содержащихся в учреждениях;

– оказание помощи осужденным в подготовке к освобождению, решении вопросов жилищно-бытового устройства, трудоустройства, медицинского обслуживания и социального обеспечения, социально-психологической реабилитации и адаптации;

– укрепление материально-технической базы органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности;

с учетом рекомендаций ОНК в следующих формах:

– оказание органам и учреждениям, исполняющим наказание и иные меры уголовной ответственности, безвозмездной (спонсорской) помощи;

– финансирование программ содействия органам и учреждениям, исполняющим наказание и иные меры уголовной ответственности;

в иных формах, не запрещенных законодательными актами.

Это означает, что участие общественных объединений и правозащитников в контроле за местами лишения свободы невозможно.

За 2016 год не появилось ни одного сообщения ОНК о нарушении прав заключенных.

Рекомендации:

– В качестве первоочередных мер, органам исполнительной власти формировать ОНК из представителей общественных объединений, чьи уставные цели и задачи соответствуют задачам ОНК;

– активизировать работу по посещению мест лишения свободы для выполнения задач, стоящих перед ОНК;

– изменить правовое регулирование деятельности ОНК с тем, чтобы в них был более широко представлен весь спектр заинтересованных НГО и лица, чья деятельность отвечает требованиям и принципам, на которых базируется общественный контроль за местами лишения свободы.

КОНТРОЛЬ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Введение

В уголовно-исправительной системе среди заключенных широко распространено убеждение о полной бесперспективности использования национальных институтов разрешения обращений осужденных на незаконные действия администрации и сотрудников учреждений.

Статистика обращений заключенных для мониторинга недоступна, как и многие другие статистические данные. Однажды опубликованные сведения о результатах рассмотрения обращений и жалоб осужденных это мнение не опровергают: «в 2014 году Департаментом исполнения наказаний МВД Республики Беларусь зарегистрировано и рассмотрено 96 обращений граждан на неправомерные действия сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, лечебно-трудовых профилакториев МВД. Органами прокуратуры в 2011 – 2014 годах рассмотрено 158 жалоб на меры воздействия в отношении осужденных, а также лиц, содержащихся под стражей (67 в 2011 году, 35 – 2012 году, 37 – 2013 году, 19 – 2014 году). Жалобы не удовлетворены. Судами в 2012 – 2014 годах рассмотрено 15 дел по жалобам осужденных к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению, лиц, содержащихся под стражей, на применение к ним мер взыскания и по жалобам административно арестованных на применение к ним видов дисциплинарных взысканий. Жалобы признаны необоснованными», – говорится в Национальном докладе к Универсальному периодическому обзору (второй цикл).

Здесь как раз и перечислены три органа, которые по закону вправе рассмотреть жалобы заключенных: Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь и его управления в областях, прокуратура и суд.

Как неоднократно отмечалось ранее в исследованиях авторов мониторинговых отчетов, роль вневедомственных органов контроля за соблюдением законности при исполнении наказаний в процессе восстановления прав заключенных невелика. К этому есть и законодательные предпосылки.

Прокурорский контроль заменяется контролем ведомственным

Так, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь закрепил правило, по которому осужденные вправе давать объяснения, вести переписку, обращаться в администрацию органа или учреждения, исполняющего наказание и иные меры уголовной ответственности, суд, прокуратуру с предложениями, заявлениями и жалобами.

Согласно Закону «О прокуратуре Республики Беларусь», одной из задач прокуратуры является обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. В целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор, в том числе, за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, должностными лицами и иными гражданами.

Таким образом, совершенно логично направление жалоб заключенных прокурорам для рассмотрения по существу и принятия мер прокурорского реагирования, предусмотренных тем же законом. Однако смущает малое количество таких обращений от заключенных: за весь 2014 год 19

обращений рассмотрены по существу. Неужели не пишут? Пишут, и получают ответ о том, что их жалоба на действия сотрудников ДИН направлена... в ДИН для рассмотрения. Произвол? Практически – да, но есть у прокуроров оправдание – Указ Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. №498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц», который предусмотрел следующее правило: обращения (предложения, заявления, жалобы) граждан, независимо от того, в какой государственный орган или иную организацию они поступили, первоначально подлежат рассмотрению по существу в соответствии с компетенцией:

– в местных исполнительных и распорядительных органах, подчиненных им организациях, территориальных подразделениях (органах) и организациях, подчиненных или входящих в состав (систему) республиканских органов государственного управления и государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, другим государственным органам, иным организациям, осуществляющих свою деятельность и расположенных в пределах той административно-территориальной единицы, на территории которой возникли вопросы, изложенные в обращениях (далее – местные органы);

– в других организациях, если вопросы, изложенные в обращениях, относятся к исключительной компетенции этих организаций.

Этим же указом утвержден перечень государственных органов, иных организаций, ответственных за рассмотрение обращений по существу в отдельных сферах жизнедеятельности населения. Кстати, обращения по вопросам исполнения уголовных наказаний также отнесены к компетенции ДИН.

Таким образом относительно независимый прокурорский контроль заменяется контролем ведомственным, со стороны вышестоящей организации ДИН. Может ли такой контроль быть беспристрастным? Конечно, нет; но это – только полбеды: кроме того, у осужденного еще и теряется надежда на объективное рассмотрение жалобы, ведь в ответе ДИН или его управления не будет разъяснять, что после такого первоначального ведомственного рассмотрения право на обращение в прокуратуру как раз и возникает.

Сама ситуация, конечно, удручает: даже при явных основаниях для применения мер прокурорского реагирования они применяться не будут, а отсутствие повторной жалобы заключенного совершенно не будет означать то, что проблема урегулирована. Скорее, будут приняты меры для того, чтобы сор не покинул «избы»...

Та же участь ждет обращения осужденного в иные органы, где он вознамерится искать правду.

Госпошлина становится препятствием при подаче жалобы в суд

Суд рассматривает жалобы осужденных относительно ареста, лишения свободы, пожизненного заключения, лиц, содержащихся под стражей, на применение к ним мер взыскания и жалобы административно арестованных на применение к ним видов дисциплинарных взысканий.

Участие осужденных в заседаниях происходит по усмотрению судьи, и это означает, что право заключенного на справедливый суд, как правило, нарушается.

Обязательным условием возбуждения гражданского дела по жалобе осужденного является уплата им государственной пошлины в размере базовой величины – 23 рубля (до 2017 года – 21 рубль) что, зачастую, составляет сумму дохода осужденного за несколько месяцев с учетом обязанности оплачивать свое содержание и питание, погашать возможные взыскания по исполнительным документам. Освободить заключенного от необходимости оплаты госпошлины

могут только представленные им справки ИУ об отсутствии у него денег и возможности трудоустройства. Судами в 2012 – 2014 годах рассмотрено 15 дел по жалобам осужденных на применение к ним мер взыскания и по жалобам административно арестованных на применение к ним видов дисциплинарных взысканий.

Как указал источник информации о количестве обращений, все обращения осужденных в прокуратуру признаны необоснованными, ни одна жалоба судом не удовлетворена.

Какие меры можно предусмотреть для того, чтобы изменить ситуацию?

Международные документы четко требуют, чтобы все тюрьмы и места содержания задержанных лиц подвергались системе проверок, которые являются независимыми от властной структуры, отвечающей за управление тюрьмами. Эти документы предоставляют заключенным право полного и конфиденциального доступа к инспекторам при условии соблюдения законных мер безопасности:

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Принцип 29:

«1. В целях наблюдения за строгим соблюдением соответствующих законов и правил места задержания регулярно должны посещаться квалифицированными и обладающими достаточным опытом лицами, назначаемыми и ответственными перед компетентными властями, отличными от властей, в непосредственном ведении которых находятся места задержания или заключения».

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 55:

«Пенитенциарные учреждения и службы должны подвергаться регулярной инспекции со стороны квалифицированных и опытных инспекторов, назначаемых компетентными властями. Инспектора должны, в частности, удостовериться в том, что места заключения управляются в соответствии с действующими законами и предписаниями и что их работа соответствует задачам, поставленным перед пенитенциарными и исправительными службами».

По аналогичной схеме могут и должны рассматриваться жалобы заключенных: органы, которые рассматривают жалобы, должны быть независимыми от администрации мест заключения, и более всего в Беларуси к этому определению подходят органы прокуратуры.

Участие вышестоящих органов МВД и ДИН в проверке жалоб может иметь место лишь в случае, если заключенный сам отдает им предпочтение, или для промежуточного сбора сведений, оценку которым должно дать должностное лицо такого независимого органа. Лишь тогда проверка доводов заявителя не будет затянута до такого состояния, когда полноценная проверка становится невозможной, или ее выводы уже неактуальны для заключенного.

Во многих государствах большую роль в рассмотрении жалоб осужденных и проверке их обоснованности играют представители гражданского общества; это хороший вариант для всех государств, признающих приоритеты прав человека.

Судебная защита должна предоставляться осужденному независимо от предварительной уплаты им государственной пошлины; как крайнюю меру можно предусмотреть взыскание государственной пошлины с осужденного после вынесения решения по жалобе.

Рекомендации:

- **создать национальный превентивный механизм по предотвращению пыток и приравненного к ним жестокого обращения;**

– активизировать работу прокуратуры по надзору за соблюдением закона в местах заключения;

– установить гарантированные способы передачи обращения заключенных в защиту своих прав;

– устранить препятствия к судебной защите нарушенных прав заключенных и нарушения права на справедливый суд.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Участие заключенных в выборах

Тема участия заключенных в политических выборах по-прежнему остается актуальной; несмотря на развернутую правозащитниками информационную кампанию по этой теме, законодатель не предпринимает шагов для исправления нарушений политических прав граждан, находящихся в местах лишения свободы и в СИЗО.

В соответствии с Конституцией и Избирательным кодексом Республики Беларусь, в выборах не участвуют лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей. Лишение конституционного права всех осужденных к лишению свободы, а тем более подозреваемых и обвиняемых, представляется в отношении осужденных необоснованным, а в отношении содержащихся под стражей до вынесения приговора – еще и незаконным.

Лица, которые содержатся под стражей в ожидании приговора, являются по определению полноправными гражданами, ограниченными лишь в личной свободе. Подследственные заключенные в силу презумпции невиновности считаются невиновными, и с ними, в соответствии с национальными законами и международными договорами, следует обращаться соответственно.

В частности, Принцип 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года), гласит: задержанное лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении уголовного преступления, считается невиновным и имеет право на обращение с ним как с таковым до тех пор, пока его виновность не будет доказана согласно закону в ходе открытого судебного разбирательства, на котором оно располагало всеми гарантиями, необходимыми для своей защиты. Арест или задержание такого лица на период проведения следствия и судебного разбирательства осуществляется только в целях отправления правосудия на основаниях и в соответствии с условиями и процедурами, установленными законом. Запрещается введение ограничений в отношении такого лица, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования или отправления правосудия, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания.

Сложнее обстоит дело с правом участия в выборах осужденных заключенных, однако и по этому вопросу уже есть вполне определенная позиция:

– Руководящими принципами относительно выборов (приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии, Венеция, 5-6 июля 2002 года) предусмотрено, что могут быть предусмотрены основания для приостановления действия политических прав. Вместе с тем, такие основания должны соответствовать обычным условиям, при которых может производиться ограничение основополагающих прав; иными словами, они должны: быть предусмотрены в законе; соответствовать принципу пропорциональности; основываться на вынесении уголовного приговора за серьезное правонарушение. Условия лишения физических лиц права быть избранными могут быть менее жесткими, чем условия их лишения права избирать, поскольку в данном случае речь идет о занятии общественной должности, и решение лишить то или иное лицо, действия которого на этой должности могли бы привести к нарушению более весомых общественных интересов, права быть избранным на эти должности, могло бы оказаться вполне законным.

Самое важное из того, что установлено по рассматриваемому вопросу Руководящими принципами, заключается в том, что лишение того или иного лица политических прав допускается лишь по прямому решению суда. Так, например, это предусмотрено в законодательстве Польши: Закон от 12 апреля 2001 года «О выборах в Сейм Польской Республики и в Сенат Польской Республики» устанавливает, что активным избирательным правом, то есть правом голосовать на выборах обладает каждый гражданин Польши, который ко дню голосования достиг 18-летнего возраста, кроме лиц, которые: лишены гражданских прав по окончательному решению суда; лишены избирательных прав по окончательному решению Верховного Суда; признаны неправо-способными по окончательному решению суда.

В новейшей истории Беларуси (охватывающей период нахождения в составе СССР) этот вопрос решался таким образом:

По Конституции БССР 1927 года лишались избирательного права «лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок». Конституция БССР 1937 года предусматривала исключение из всеобщего избирательного права для лиц, «осужденных судом с лишением избирательных прав».

В соответствии с Законом СССР от 25 декабря 1958 года «Об отмене лишения избирательных прав по суду» в тот же день Президиум Верховного Совета Республики Беларусь постановил отменить применение лишения избирательных прав по суду в качестве меры уголовного наказания; всех лиц, осужденных судами Республики Беларусь к лишению избирательных прав, освободить от этого наказания.

Конституция БССР 1977 года не ограничивала избирательные права осужденных до 1989 года, когда избирательных прав были лишены «лица, содержащиеся по решению суда или с санкции прокурора в местах лишения свободы, а также направленные по решению суда в места принудительного лечения».

В Конституции 1994 года норма о лишении избирательного права заключенных приобрела нынешний вид: в выборах не участвуют «лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей».

Между тем, человек, его права, свободы и гарантии их реализации, являются высшей ценностью и целью общества и государства. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. (Конституция Республики Беларусь). Так, статья 2 Международного Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». В соответствии со статьей 25 Пакта, «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в статье 2, и без необоснованных ограничений право и возможность: голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей».

Комитет по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 21 (1992) «Статья 10» указал, что «лица, лишенные свободы, пользуются всеми правами, провозглашенными в Пакте, с учетом ограничений, неизбежных для жизни в неволе».

Для понимания необоснованности ограничения избирательного права осужденных важны положения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН. В предварительных замечаниях указано, что эти Правила предназначены для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными. В Правилах указывается, что заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на само-определение, поскольку лишают его свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда сегрегация представляется оправданной, или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения. В обращении с заключенными следует подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство, что они продолжают оставаться его членами. Следует принимать меры для того, чтобы заключенные могли сохранять за собой максимум совместимых с законом и условиями их приговора прав в области их гражданских интересов.

В Итоговом Отчете Миссии по Наблюдению за Выборами БДИПЧ/ОБСЕ (по итогам парламентских выборов в Беларуси 2012 года) отмечено, что отказ в предоставлении права голосовать гражданам, находящимся в предварительном заключении, противоречит принципу презумпции невиновности, закрепленному в параграфе 5, 19 Копенгагенского Документа ОБСЕ 1990 года, а также в Статье 26 Конституции Республики Беларусь. Лишение избирательных прав всех граждан, отбывающих тюремное наказание, указывает на отсутствие пропорциональности и также противоречит параграфам 7,3 и 24 Копенгагенского Документа ОБСЕ 1990 года и другим международным стандартам. В приоритетные включена рекомендация о том, что «отказ в праве голосовать или выступать кандидатом гражданам, находящимся в тюремном заключении или досудебном содержании под стражей, в независимости от тяжести преступления, следует изъять из законодательства. Любые ограничения прав избирателя и кандидата должны быть пропорциональны и четко описаны в законодательстве».

По итогам наблюдения за парламентскими (2016 года) выборами в Беларуси миссия БДИПЧ/ОБСЕ высказалась относительно ограничения избирательного права следующим образом: «Эти обобщенные положения закона являются непропорциональными ограничениями права голоса, что противоречит международным обязательствам, обязательствам перед ОБСЕ и надлежащей практике».

С учетом всего изложенного, необходимо немедленно исключить из Конституции Республики Беларусь и Избирательного кодекса положения, ограничивающие избирательное право лиц, содержащихся под стражей до вынесения приговора, а также предпринимать шаги по исключению необоснованной дискриминации тех, кто отбывает наказание в местах лишения свободы по приговору суда. Возможно ограничение избирательных прав лишь за тяжкие преступления против государства, которое необходимо предусмотреть в качестве отдельного в уголовном законодательстве.

Процедура принятия такого решения не представляет большой сложности для белорусского парламента: закон о внесении изменений в Конституцию Республики Беларусь может быть принят после двух обсуждений и одобрений Национальным собранием с промежутком не менее трех месяцев большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания. После внесения изменений в Конституцию ничто не препятствует внести соответствующие изменения и в Избирательный кодекс.

Рекомендации:

– немедленно приступить к процессу внесения изменений в закон, которые вернут избирательное право лицам, не признанных виновными в совершении уголовного преступления окончательным решением суда;

– изменить закон, в результате чего избирательных прав могут лишаться лица по приговору суда за совершение преступлений против государства и/или особо тяжких преступлений.

СОЗДАНИЕ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

К возобновлению темы взаимоотношений заключенных и персонала мест лишения свободы с точки зрения соблюдения прав заключенных, имеющих особенности психического или психологического состояния, подтолкнули несколько случаев, которые свидетельствуют о недостаточном урегулировании правового положения таких лиц и недостатках механизмов их защиты от нарушений и злоупотреблений.

Так, в Гомельском следственном изоляторе произошел инцидент с несовершеннолетним, имеющим установленный диагноз – деменция, либо устойчивое обеднение и упрощение психической деятельности.

Возникает вопрос: может ли безопасность заключенных, как этого требует закон, быть защищена в имеющихся правовых условиях; есть ли гарантии того, что личная безопасность заключенного будет под охраной вне зависимости от его психического статуса? Способны ли в местах лишения свободы, в том числе в изоляторах временного содержания и в СИЗО распознать проблему, выявить отклонения в состоянии здоровья и есть ли механизмы, оберегающие заключенных с особенностями от произвола?

Общепризнанным является принцип, согласно которому заключенные, вне зависимости от характера их преступления, сохраняют за собой все основные права человека. К таковым относят и право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья.

Согласно основным принципам обращения с заключенными (Принцип 4), тюрьмы несут ответственность за содержание заключенных и защиту общества от правонарушений в соответствии с прочими социальными целями государства и его основополагающими обязанностями по содействию благосостоянию и развитию всех членов общества. Принцип 9 устанавливает, что заключенные пользуются медицинским обслуживанием, имеющимся в данной стране, без дискриминации в связи с их юридическим положением.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правило 22) предусматривают, что все заведения должны иметь в своем распоряжении по крайней мере одного квалифицированного медицинского работника, имеющего познания в области психиатрии. Медицинское обслуживание следует организовывать в тесной связи с местными или государственными органами здравоохранения. Оно должно охватывать психиатрические диагностические службы и там, где это необходимо, лечение психически больных заключенных.

Там же подчеркивается, что больных заключенных, нуждающиеся в услугах специалиста, необходимо переводить в особые заведения или же в гражданские больницы. Тюремные больницы должны располагать оборудованием, установками и лекарствами, необходимыми для должного медицинского ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правило 25) конкретизируют обязанности администрации мест заключения: о физическом и психическом здоровье заключенных обязан заботиться врач, который должен ежедневно принимать или посещать всех больных, всех тех, кто жалуется на болезнь, а также всех тех, на кого было обращено особое внимание. По Правилу 62, медицинские службы заведения должны выявлять все физические и психические заболевания или недостатки, могущие воспрепятствовать перевоспитанию

заключенного, и заботиться об их излечении. С этой целью заведения должны иметь возможность обеспечивать все необходимое медицинское, хирургическое и психиатрическое обслуживание.

Уместно напомнить и то, что по Принципам медицинской этики, относящимся к роли медицинского персонала, в частности врачей, в деле защиты заключенных и задержанных от применения пыток и иного жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство поведения или наказания (ООН), Принцип 1, работники здравоохранения, в особенности врачи, обеспечивающие медицинское обслуживание заключенных или задержанных лиц, обязаны охранять их физическое и психическое здоровье и обеспечивать лечение заболеваний такого же качества и уровня, какое обеспечивается лицам, не являющимся заключенными или задержанными.

Исследователь вопросов пенитенциарного права Э. Койл полагает, что «условия заключения оказывают серьезное воздействие на психическое состояние заключенных. Администрации тюрем должны стремиться снизить степень этого влияния и установить процедуры наблюдения за таким влиянием на отдельных заключенных. Следует предпринять шаги для выявления тех заключенных, которые могут быть склонны к нанесению себе увечий или к самоубийству. Тюремный персонал необходимо обучить способам распознавания показателей потенциального членовредительства. Если заключенным поставлен диагноз психического расстройства, то они не должны содержаться в тюрьме – их следует перевести в должным образом оборудованное психиатрическое заведение».

«Хорошее здоровье важно для каждого, – продолжает он, – оно оказывает влияние на поведение людей и на их способность функционировать в качестве членов сообщества. Особое значение оно приобретает в замкнутом тюремном сообществе. По самой своей природе условия заключения могут оказывать разрушающее влияние на физическое и психическое состояние заключенных. Поэтому администрация тюрем отвечает не только за предоставление медицинской помощи, но также и за создание условий, которые способствуют благополучию как заключенных, так и персонала. Заключенные не должны покидать тюрьму в худшем состоянии, чем то, в котором они туда попали. Это относится ко всем аспектам жизни в тюрьме, но прежде всего – к здравоохранению. Часто заключенные поступают в тюрьму с уже существующими медицинскими проблемами, которые могут быть вызваны невниманием, плохим обращением или предыдущим образом жизни. Нередко заключенные являются представителями самых бедных слоев общества и состояние их здоровья отражает этот факт. Они приносят с собой запущенные болезни, наркоманию, а также проблемы, связанные с психическим здоровьем. Такие заключенные, равно как и многие другие, чье психическое состояние может быть существенно и неблагоприятно нарушено самим фактом тюремного заключения нуждаются в особой поддержке».

Как этот вопрос нашел отражение в отечественном законодательстве и практике правоприменения?

Стоит начать с закона: Уголовно-исполнительный кодекс закрепил норму, согласно которой государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечивает установленные законом условия применения наказания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, гарантии социальной справедливости, их социальную, правовую и иную защищенность. При исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности осужденным гарантируются права и свободы граждан Республики Беларусь с ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Республики Беларусь.

Также УИК закрепил важное право заключенных: осужденные имеют право на личную безопасность. При возникновении угрозы личной безопасности осужденного, отбывающего наказание в виде ареста, ограничения свободы, лишения свободы или пожизненного заключения, он вправе обратиться с заявлением об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание. В этом случае должностное лицо обязано

незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности осужденного. Начальник учреждения, исполняющего наказание, по заявлению осужденного либо по собственной инициативе принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного (ст. 11 УИК).

Осужденные к лишению свободы направляются в исправительные учреждения с учетом условий, необходимых для их исправления, поддержания полезных социальных связей с родственниками и предупреждения совершения ими преступлений, а также – обеспечения безопасности (ст. 63 УИК).

Перемещение осужденных к лишению свободы под конвоем осуществляется с соблюдением правил раздельного содержания: в том числе, осужденные к лишению свободы, больные активной формой туберкулеза или не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания, лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями), признанные уменьшенно вменяемыми, перемещаются раздельно и отдельно от осужденных, не имеющих указанных заболеваний, а при необходимости по заключению врача-специалиста – в сопровождении медицинских работников (ст.66).

Способы обеспечения безопасности в законе детально не описаны, но указано, что в исключительных случаях для обеспечения личной безопасности осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы в любом исправительном учреждении, при наличии его письменной просьбы, начальник учреждения вправе перевести осужденного на изолированное содержание на срок до шести месяцев. Данное положение распространяется и на осужденных, больных активной формой туберкулеза, в случае, если по результатам медицинского обследования показано, что осужденный может содержаться в помещении для изолированного содержания (ст.81 УИК).

Еще одна из составляющих безопасного содержания заключенных закреплена статьей 107 УИК (Психологическая помощь осужденным): осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, оказывается психологическая помощь в адаптации к условиям содержания, преодолении конфликтов, нормализации психического состояния и нейтрализации отрицательных установок личности. Психологическая помощь осужденным оказывается на добровольной основе квалифицированными психологами.

Постановление от 20.10.2000 г. № 174 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» конкретизирует перечисленные нормы:

– при возникновении угрозы личной безопасности осужденного (заключенный) вправе обратиться по данному вопросу к любому должностному лицу учреждения с письменным заявлением.

Начальник учреждения по такому заявлению незамедлительно принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного.

В этих целях могут быть использованы камеры ШИЗО (ДИЗО), ПКТ, одиночные камеры и другие помещения учреждения.

Перевод такого лица в безопасное место производится по постановлению начальника учреждения согласно приложению 45 на срок не свыше шести месяцев, а в экстренных случаях – ДПНИУ до прихода начальника, но не более чем на 24 часа. В течение данного срока администрация учреждения обязана принять исчерпывающие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного.

Перевод осужденного в безопасное место, в том числе камеры ШИЗО (ДИЗО), ПКТ и одиночные камеры, по указанным основаниям наказанием не является. На осужденного распространяется общее правовое положение и требования режима содержания, установленные для данного вида режима учреждения.

В случае невозможности обеспечить личную безопасность осужденного начальником учреждения принимаются меры к его переводу в другое учреждение в установленном порядке.

Перечисленные меры порождают серию проблем и вопросов, которые требуют законодательного разрешения:

ПВР не закрепляют обязанности и не развивают закрепленную УИК обязанность администрации ИК по своей инициативе принимать меры безопасности в отношении определенного лица. Начало применения таких мер связывается Правилами с подачей лично написанного заявления соответствующего характера. Можно ли быть уверенным в том, что лицо, имеющие психические или психологические проблемы способно своевременно распознать угрозу и принять меры, в том числе – письменно обратиться к администрации места заключения? В Правилах вновь делается акцент только на одну меру безопасности – перевод в безопасное место, тогда как обеспечение безопасности заключенных должно стать целью куда более широкого перечня действий представителей администрации: они должны выявить источник угрозы и принять меры к тому, чтобы заключенные были защищены силой закона, авторитета администрации и конкретными действиями администрации. Должны быть искоренены любые проявления дискриминации заключенных и условия, которые изменяют правовое положение заключенных помимо тех, что установлены законом.

Что такое безопасное место? Такого определения закон не содержит, а Правила и практика определили в качестве таковых те места, куда обычных заключенных помещают только в связи с совершением ими дисциплинарных проступков: камеры изоляторов и помещения камерного типа. Таким образом, МВД, разрабатывая упомянутые Правила, не утруждало себя поиском альтернатив для содержания осужденных, которым администрация не может обеспечить безопасные условия содержания. И за неспособность администрации должным образом исполнять свои функции, заключенные расплачиваются содержанием в камерах, в том числе – одиночных, по сути, вынужденно «добровольно» обрекая себя на ухудшение режима содержания. Небольшим утешением при этом служит норма, по которой такие заключенные сохраняют право на получение посылок и передач, а также свиданий по нормам своего режима.

Выходом из этого может стать создание в колониях отдельных зон безопасности, где заключенные будут обеспечены повышенными мерами безопасности – охраной, изоляцией от источника угрозы, но при этом не будут ущемлены в обеспечении надлежащих бытовых условий и прав относительно других заключенных. В случае, если места заключения невозможно оборудовать соответствующим образом, это обстоятельство не должно отражаться в худшую сторону на заключенном, и в этом случае он может быть переведен в другое место заключения, в том числе, в условия более мягкого режима.

В целом сходным образом урегулированы те же проблемы в отношении задержанных и заключенных под стражу: лица, содержащиеся под стражей, размещаются по камерам дежурным помощником по согласованию с оперативным работником СИЗО, несовершеннолетние – по согласованию с инструктором по воспитательной работе СИЗО, больные – по указанию медицинского работника СИЗО. Лица, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они больны инфекционными заболеваниями, размещаются в отдельные камеры. Также изолированно размещаются больные, нуждающиеся в особом медицинском уходе, либо такие лица помещаются в стационары медицинских частей по общим заболеваниям.

Несовершеннолетние размещаются, как правило, в маломестных камерах не более десяти человек, расположенных в отдельных режимных корпусах или изолированных участках режимных корпусов, с учетом их возраста, физического развития, особенностей их личности и психологической совместимости.

В соответствии со ст.31 Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей», размещение лиц, содержащихся под стражей, в камерах производится с учетом их личности и психологической совместимости.

Очевидно, в целях обеспечения безопасности, отдельно от других лиц, содержащихся под стражей, размещаются, в том числе: лица, являющиеся или являвшиеся депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатами местных Советов депутатов, сотрудниками Комитета государственного контроля Республики Беларусь, судьями, адвокатами, прокурорскими работниками, сотрудниками Следственного комитета Республики Беларусь, сотрудниками Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, сотрудниками органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск, сотрудниками органов государственной безопасности, работниками налоговых органов, должностными лицами таможенных органов, государственными служащими, имеющими право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе. По решению руководителя администрации места содержания под стражей либо органа, ведущего уголовный процесс, отдельно содержатся лица, содержащиеся под стражей, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны иных лиц, содержащихся под стражей.

Отдельно содержатся больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в медицинском уходе и наблюдении.

В соответствии с указанным Законом, лица, содержащиеся под стражей, размещаются в одиночных камерах при отсутствии иной возможности обеспечить соблюдение требований раздельного размещения; в интересах обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, содержащихся под стражей; при наличии письменного заявления лица, содержащегося под стражей, об одиночном размещении, в том числе только на период ночного времени.

По тем же правилам размещаются задержанные в ИВС по Правилам внутреннего распорядка изоляторов временного содержания органов внутренних дел.

Правила внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь декларируют право заключенных ЛТП на охрану здоровья и личную безопасность, однако указаний на какие-либо конкретные меры, применяемые для обеспечения безопасности, не содержат.

Медицинская помощь лицам, содержащимся в ЛТП, оказывается медицинскими работниками медицинской части ЛТП. Медицинская часть ЛТП осуществляет, в том числе: первичный врачебный осмотр лиц, поступивших в ЛТП, врачебный осмотр лиц, поступивших в ЛТП, в течение первых трех суток их пребывания в ЛТП с обязательным назначением необходимых лабораторных и инструментальных исследований; клиническое (соматическое, психиатрическое и наркологическое) и лабораторное обследование в течение первых трех суток после прибытия в ЛТП для установления их соматического и психического состояния, выявления имеющихся расстройств и уточнения диагноза, определения степени трудоспособности в целях выработки рекомендаций по применению соответствующих форм и методов комплексного лечебно-трудового воздействия; оказание первичной и специализированной медицинской помощи лицам, содержащимся в ЛТП.

В случае обнаружения у лиц, содержащихся в ЛТП, признаков хронической душевной болезни или тяжелого заболевания, препятствующих дальнейшему пребыванию в ЛТП, материалы для их досрочного освобождения направляются в суд по месту нахождения ЛТП не позднее 7 дней после установления диагноза такого заболевания.

Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа декларировано право на личную безопасность осужденных. Указания на конкретные меры, которые вправе и обязана применять администрация исправительного учреждения открытого типа, в Правилах и в УИК отсутствуют.

Важным элементом обеспечения безопасности заключенных является организация их медицинского обследования и обслуживания. Такая деятельность регулируется Инструкцией по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденной постановлением от 27.08.2003 № 202/39 Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь.

Дело Виталия К. – случай сексуального насилия в СИЗО

В Правозащитный центр «Вясна» обратилась жительница Гомеля Марина К. (имена изменены). История, о которой, не скрывая своей тревоги и отчаяния, рассказала женщина, затрагивает проблему сексуального насилия в местах принудительного содержания и требует срочного вмешательства правозащитников.

17-летний приемный сын гомельчанки Марины – Виталий – из-за особенностей своего здоровья (деменция, либо устойчивое обеднение и упрощение психической деятельности) попал в конце 2015 года в Центр реабилитации для детей с особенностями психофизического развития. Там его сосед по палате пожаловался врачу на якобы сексуальное домогательство и приставания со стороны Виталия. Родители обоих подростков, поразмыслив, списали этот конфликт на фантазии своих детей.

Однако история получила неожиданное продолжение через несколько месяцев. В феврале, поздно вечером, на квартиру к Марине приехали сотрудники милиции и, унижая женщину, приказали собираться больному сыну. Мать поехала следом за ними в Гомельский районный отдел следственного комитета, при этом предупредила следователей, что у сына могут быть судороги, что ему нужны лекарства, что он болен. Однако ее слова были проигнорированы, а женщине посоветовали не лезть не в свое дело. В Следственном комитете Виталия опросили следователи, и, пользуясь его беспомощным состоянием из-за психической болезни, запугиванием заставили подписать какие-то бумаги. Как позже оказалось, это была явка с повинной.

На следующий день допрос продолжился в присутствии адвоката. Парня вновь при этом запугивали.

15 февраля Виталия поместили под стражу. Марина писала жалобы, чтобы сына поместили в психиатрическую клинику из-за деменции, которая развилась в результате черепно-мозговой травмы. Однако, безрезультатно. За это время успели смениться несколько следователей.

Больной подросток провел в СИЗО три недели, пока его мать добивалась получения разрешение на свидание. То, что она увидела и услышала 27 февраля во время свидания, повергло ее в ужас. Сын выглядел измученным, были заметны гематомы и ссадины, голова опухшая, он стал заикаться. Виталий сообщил, что его в камере насилуют и угрожают при этом: «Ты же явку с повинной подписал! Смотри, не отказывайся, а то совсем искалечим».

Когда мать стала писать жалобы в Следственный комитет и прокуратуру – неизвестные лица стали угрожать и ей.

Наконец, 9 марта, Виталия направили на экспертизу в Республиканский научно-практический центр психического здоровья в Новинки. Марина, когда в очередной раз смогла встретиться с сыном, заметила, что он еще больше похудел, едва передвигается, у него начала развиваться дистрофия. По словам сына, доктора рассказывали ему о половых актах и мастурбации. Марина считает, что таким образом Виталия психологически готовили на роль «опытного насильника».

15 апреля Виталия вернули в Гомельское СИЗО. Вскоре следствие должно было закончиться, но его продлили еще на месяц. В это время следственные действия продолжаются.

Расследование уголовного дела такой степени сложности требует особых усилий следователей с тем, чтобы были максимально сохранены процессуальные гарантии обвиняемого. Безусловно, то обстоятельство, что обвиняемый имеет особенности психофизического развития, налагает в этом смысле повышенную ответственность на орган, ведущий уголовный процесс.

Особую озабоченность правозащитников вызывает нерасследованный случай применения насилия к обвиняемому, тем более, что не расследовано и не исключено отношение сотрудников милиции к организации применения насилия как средства склонить обвиняемого к признанию своей вины. В любом случае, насилие применено к заключенному следственного изолятора, который должен был находиться там не только под присмотром, но и под защитой персонала. С сожалением правозащитники вынуждены предположить, что за длительное время многие доказательства и возможность их фиксации уже могут быть утеряны.

В середине июля Гомельский городской отдел Следственного комитета рассмотрел материалы проверки районного СК по заявлению приемной матери Виталия Марины К. и постановил следующее:

«В возбуждении уголовного дела по факту насильственных действий сексуального характера, а также причинения телесных повреждений на территории СИЗО-3 УДИН МВД по Гомельской области в отношении В. отказать за отсутствием состава преступления».

В основу такого решения следователи положили показания лиц, содержавшихся под стражей вместе с Виталием, и которые в один голос заявили, что никаких противоправных действий в отношении больного подростка они не совершали. Удивления такая позиция предполагаемых насильников или свидетелей преступления не вызывает.

Кроме того, согласно сведений из СИЗО-3, в медицинской карте на имя Виталия не содержатся сведения о наличии у него телесных повреждений. Хотя Виталий жаловался сотрудникам СИЗО на сексуальное насилие, на неоднократное избиение сокамерниками, в том числе и по голове, на то, как на его теле тушили окурки. Об этом он, в частности, заявлял во время допроса 22 апреля.

Интересную позицию в этом деле занял и психолог, работающий в СИЗО-3, М. Зинкевич. Он характеризует Виталия как фантазера, придумщика различных сюжетов и ролей.

Но откуда тогда в этих «придуманных сюжетах» появилось заключение эксперта от 12 мая, где засвидетельствовано, что у Виталия на момент осмотра имелись: синяки и кровоподтёки левой лопаточной области, верхних и нижних конечностей, которые образовались от действия твердого тупого предмета?

Не нашла экспертиза (заключение №25-6-4.8 / 1305) на момент осмотра 4 апреля на теле Виталия и следов сексуального насилия. Заметьте, Виталий пожаловался матери на насилие еще 27 февраля, во время свидания в СИЗО. Так какие следы сексуального насилия хотел найти эксперт через

полтора месяца? В рамках проведенной Гомельском районным отделом СК проверки следователь повторно опросил Виталия 7 июля. В ходе опроса подросток пояснил, что показания о насилии и избиении, данные во время допроса 22 апреля, а также сведения, содержащиеся в жалобах, он полностью подтверждает и по-прежнему настаивает на них.

Результаты проведенной проверки настораживают правозащитников ее явной поверхностностью. Почему, например, остались без внимания показания многих работников СИЗО, опрошенных в ходе проверки, которые объяснили, что Виталий действительно обращался к ним за помощью по поводу противоправных действий третьих лиц.

Откуда на теле Виталия появились легкие телесные повреждения, которые выявила экспертиза?

Как могло случиться, что подросток с психическим заболеванием находился в общей камере с другими заключенными? Где были при этом ответственные сотрудники СИЗО и почему следователи не обратили внимания на возможное попустительство с их стороны противоправным действиям сокамерников?

В августе появилась информация о том, что прокуратура г. Гомеля отменила постановление городского отдела Следственного комитета об отказе в возбуждении уголовного дела по факту противоправных действий в СИЗО в отношении Виталия. Отвечая на жалобу Марины К., подготовленную с помощью правозащитников «Вясны», заместитель прокурора г. Гомеля сообщает, что материалы дела будут направлены в Гомельский городской отдел Следственного комитета для организации дополнительной проверки.

Однако возобновленная проверка безрезультатно затянулась на второй месяц, а уголовное дело – не возбуждалось.

Тогда приемная мать Марина К. обратилась с жалобой к начальнику Гомельского городского Следственного комитета Аркадию Третьякову, в которой указала на намеренное затягивание следователем Людмилой Понамарышкиной проверки, а также сообщила, что следователь оказывает на нее давление: звонит ей с угрозами по телефону, присылает ее работодателю письма оскорбительного характера, унижающие ее достоинство.

«Дело ведется около двух месяцев – за данный срок следователь ни разу не допросила ни меня, ни Виталия К. Все это время она занималась угрозами в мой адрес и в адрес моего приемного сына. Когда я наконец добилась, чтобы провели опрос Виталия, она отказалась брать объяснения у него, а потребовала, чтобы он подписал то, что принесла она сама. Опрос не состоялся. А своего допроса я добилась только через начальника городского отдела Следственного комитета в последних числах проверки», - пишет в жалобе Марина К.

Она требует прекратить давление и угрозы в ее адрес, нарушение прав и свобод ее приемного сына, создать все необходимые условия для защиты прав и законных интересов Виталия К. и ее самой как его законного представителя, а также принять меры, предусмотренные законом, по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств по факту насилия над заведомо слабоумным, беспомощным и несовершеннолетним в СИЗО-3 г. Гомеля.

В распоряжение правозащитников попали записи и самого несовершеннолетнего, где он описывает факты давления:

«В СИЗО со мной разговаривают и уговаривают, чтобы я не давал показания против СИЗО. Обещают мне, что после обвинения я не пойду в тюрьму, а что возьмут меня здесь в СИЗО-3 на работу. Если же я буду говорить правду, что в СИЗО меня насиловали, как хотела следователь Гуд О.И., что заставляли подписывать документы, то меня все равно осудят и отправят в самую

страшную тюрьму. И там в тюрьме меня будут насиловать всем бараком каждый день, пока я не умру».

Кроме этого, Марина К. подала на имя начальника Гомельского городского управления СК и ходатайство об отводе следователя Людмилы Понамарышкиной от проведения проверки по данному делу в связи с описанными в жалобе фактами и некомпетентностью следователя как должностного лица Следственного комитета. Приемная мать несовершеннолетнего парня считает, что Людмила Понамарышкина прямо или косвенно заинтересована в исходе данной проверки не в пользу Виталия К.:

«На одной из пресс-конференций глава государства заявил: «Дети и старики – это приоритет нашего государства не на словах, а на деле». Однако, на деле получается, что, когда у ребенка случается беда, все, кто должен защищать его права – прокуратура, органы опеки, местная власть и остальные чиновники, оставляют приемную мать один на один с теми, кто тоже по закону должен защищать ее саму и ее сына, но по факту защищает лишь честь мундира.

В октябре 2016 года в Гомеле СК вновь отказал в возбуждении дела в связи с сексуальными домогательствами к несовершеннолетнему в СИЗО-3. То, что 17-летний Виталий К. имеет особенности психофизического развития, не заставило следователя Людмилу Понамарышкину, проводившую дополнительную проверку, предпринять необходимые действия для обеспечения его законных прав и интересов.

«По результатам проверки в настоящее время в возбуждении уголовного дела отказано по п.2 ч.1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, то есть, в связи с отсутствием в их действиях признаков общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, о чем вынесено постановление 05.10.2016», – сообщила следователь заявительнице.

Данная проверка длилась три месяца. Марина К. считая, что Людмила Понамарышкина намеренно затягивает проверку, поскольку прямо или косвенно заинтересована в ее результатах не в пользу Виталия, ходатайствовала об отводе следователя, выражая сомнения в ее компетентности как должностного лица Следственного комитета. И, похоже на то, что эти сомнения небезосновательны.

Правозащитникам «Вясны» стало известно о телефонном разговоре приемной матери и следователя Понамарышкиной, в котором Марина К. обратилась к ней с претензией по поводу того, что во время проведения проверки трижды опросы Виталия проводились без присутствия ее и адвоката. Женщина была вынуждена доказывать следователю, что несовершеннолетний ребенок с психофизическими отклонениями должен допрашиваться/опрашиваться в присутствии своего законного представителя.

Можно представить всю абсурдность данной ситуации: в телефонном разговоре приемная мать несовершеннолетнего зачитывала представителю следственного органа, проводящему в тот момент проверку в отношении этого несовершеннолетнего (!), положения закона о правах ребенка. «Ребенок в возрасте четырнадцати лет и старше имеет право на получение юридической помощи для осуществления и защиты своих прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами без согласия родителей (попечителей)» – гласит статья 13 «Защита ребенком своих прав и законных интересов» закона.

Ко всему, следователь Понамарышкина лишь к середине этого телефонного разговора «вспомнила, что прочитала заключение эксперта» относительно имеющегося у В. психического расстройства, снова же благодаря напористости Марины К.

Стоило ли ожидать, что при таком отношении к делу следователь Понамарышкина утруждала сябя тем, чтобы были максимально сохранены процессуальные гарантии несовершеннолетнего В., и что наличие у подростка особенностей психофизического развития вызвало у нее повышенную ответственность в работе с материалами проверки, как подобает в подобных ситуациях?

Постановление было обжаловано и отменено. Однако повторная проверка, хотя ее проводил уже другой следователь, не дала ответов по сути затронутых в жалобе вопросов.

В жалобе на постановление следователя законный представитель несовершеннолетнего отметила: «Вынесенное постановление не отвечает требованиям закона».

Проверка проводилась в несколько приемов, что обусловлено отменой ранее вынесенных постановлений и направлением материала для проведения проверки другим следователям.

Сведения, полученные в результате проверок, были противоречивыми и требовали оценки с указанием мотивов, по которым следователь принимает одни из них как достоверные, а другие – не принимает во внимание.

Опрос и оценка объяснений Виталия проводились без учета его психического и психологического статуса. В результате следователь получил несколько взаимно противоречивых объяснений, из которых в основу вывода об отсутствии преступных действий в отношении Виталия положил те, где он отрицал факт применения к нему насилия; те из них, которые указывали на совершение в его отношении преступления, были отвергнуты без должного обоснования.

Такой подход свидетельствует о необъективном, поверхностном подходе к оценке доказательств.

Между тем, объяснения Виталия К., где он описывает примененное в отношении его насилие, были сами по себе полными, непротиворечивыми и нуждались в уточнении и своевременной проверке с использованием специальных познаний.

В основу постановления положены объяснения должностных лиц, которые прямо были заинтересованы в выводе об отсутствии в их действиях состава преступления или проступка:

– опрошенные сотрудники СИЗО дали поверхностные объяснения, которые опровергаются объективными сведениями о наличии у Виталия К. телесных повреждений в описываемый период, которые в последнем постановлении вообще не упомянуты в качестве доказательств.

Следователь утверждает, что в отношении Виталия К. не совершались противоправные деяния со ссылкой на то, что в медицинской карте СИЗО-3 не содержится сведений о наличии у него телесных повреждений. При этом данное доказательство не оценивается в совокупности с заключением эксперта, согласно которому, 12.05.2016 года, при поступлении Виталия К. в больницу для проведения судебно-психиатрической экспертизы у него обнаружены кровоподтеки левой лопаточной области, верхних и нижних конечностей и имеют давность 4-7 суток. Это означает, что до поступления В. в больницу его били. Это опровергает пояснения сотрудников СИЗО, которые указывали на отсутствие следов применения насилия в отношении В. при ежедневном осмотре и позволяет вообще поставить под сомнение их искренность.

По тем же основаниям следовало критически оценить объяснения К - ва Ф.И., в чьи обязанности, как старшего по камере, входило соблюдение несовершеннолетними заключенными требований режима.

Не нашло своего объяснения противоречие в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела: согласно постановления от 11.07.2016, В. обращался к сотрудникам СИЗО Ховбок,

Нечитайло, Фонову, Кузнезову, Цалко, за помощью. В последующих постановлениях следователь приходит к противоположным выводам.

По-прежнему, не проверена причастность сотрудников МВД к организации насильственных действий в отношении Виталия. Для этого необходимо было своевременно начать проверку вне процесса расследования уголовного дела в отношении Виталия К., в ходе которой установить факт и обстоятельства, при которых В. посещался сотрудниками МВД в СИЗО. Необходимо истребовать и оценить соответствующие сведения из спецчасти СИЗО. Там же необходимо истребовать сведения, которые могут опровергнуть или подтвердить возможные контакты тех же сотрудников с лицами, содержавшимися в одной камере с Виталием.

Также необходимо истребовать от начальника органа внутренних дел сведения о целях посещения подчиненными сотрудниками лица, находящегося в статусе обвиняемого, без защитника и законного представителя.

С учетом несвоевременного проведения проверки утрачена возможность проведения некоторых проверочных действий, однако сохранилась возможность оценки имеющихся:

У Виталия установлен диагноз – деменция, либо устойчивое обеднение и упрощение психической деятельности. При этом следователь совершенно всерьез расценивает как достоверные объяснения психолога СИЗО, который утверждает, что В. способен манипулировать собеседником, втираться к нему в доверие.

Поскольку осмотр Виталия К. производился не в связи с разрешением вопроса о причинении ему телесных повреждений, я предполагаю, что зажившие следы некоторых повреждений могли остаться без внимания эксперта.

Следователь не назначил уместную в такого рода случаях психологическую экспертизу на предмет оценки сведений В. о насилии в его отношении.

Не изучен и не поставлен на разрешение эксперта вопрос о возможности совершения преступления, о котором заявляет В., без получения им характерных повреждений.

Не истребованы из СИЗО сведения о том, можно ли проверить доводы сторон по ведущейся в СИЗО видеозаписи.

Безусловно, получение Виталием К. легких телесных повреждений само по себе не содержит признаки состава преступления, однако если телесные повреждения причинялись ему с целью сломить его сопротивление при насильственных действиях сексуального характера или по указанию сотрудников МВД, то такие повреждения уже должны иметь совершенно иную оценку.

Нет оценки тому факту, что В., имеющего особенности психологического развития, поместили в общую камеру, где невозможно полноценно проконтролировать его безопасность.

Постановление вынесено без учета объяснений большей части лиц, содержащихся в одной камере с В. Указанные лица должны в ходе опроса дать объяснения факту наличия на теле Виталия К. телесных повреждений. В ином случае, следует считать, что телесные повреждения он получил вне камеры, на территории СИЗО; с учетом отсутствия сведений о правомерном применении в отношении В. физической силы и спецсредств, это означает, что к причинению телесных повреждений причастны сотрудники СИЗО, и их действия являлись противоправными.

И, наконец, многие противоречия в доказательствах могут быть устранены при проведении следственных действий в рамках возбужденного уголовного дела, которые невозможно провести в рамках проверки. Например, может быть проведено опознание лиц, причастных к применению насилия, проведены очные ставки с участием ранее допрошенных лиц.

Поэтому можно настаивать на отмене указанного постановления, возбуждения уголовного дела, а также принятия этого дела к производству прокуратуры, поскольку она, прокуратура, более, на наш взгляд, независима в своей деятельности, чем органы Следственного комитета. Одновременно настаиваем, чтобы при проведении следственных действий с участием Виталия К. присутствовал специалист, который мог бы оценивать его психологический статус и адаптировать ход следственных или проверочных действий для понимания В., который страдает деменцией.

Рекомендации:

– установить законодательные гарантии безопасности заключенных; на практике создать безопасные условия, которые не будут ухудшать положение заключенных;

– разработать эффективные меры по выявлению и купированию угроз безопасности заключенных.

ЖАЛОБЫ И ПЕРЕПИСКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Переписка

Тюремная администрация ответственна в силу национальных и международных норм за поддержку и развитие родственных и семейных связей: люди, помещенные в места лишения свободы, теряют право на свободное перемещение, но за ними должны сохраняться все остальные права человека. Одним из них является право на контакты со своей семьей. Это не только право заключенного, но и право членов его семьи, которые не совершали преступлений и не наказаны лишением свободы и ограничением прав. У них сохраняется право на контакты со своими родными, отправленными в тюрьму.

Основные международные документы по правам человека определенно говорят о всеобщем и универсальном характере прав заключенных и членов их семей на поддержание контактов посредством переписки: Всеобщая декларация прав человека, Статья 12: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную или семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции...». Международный пакт о гражданских и политических правах, Статья 23: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства».

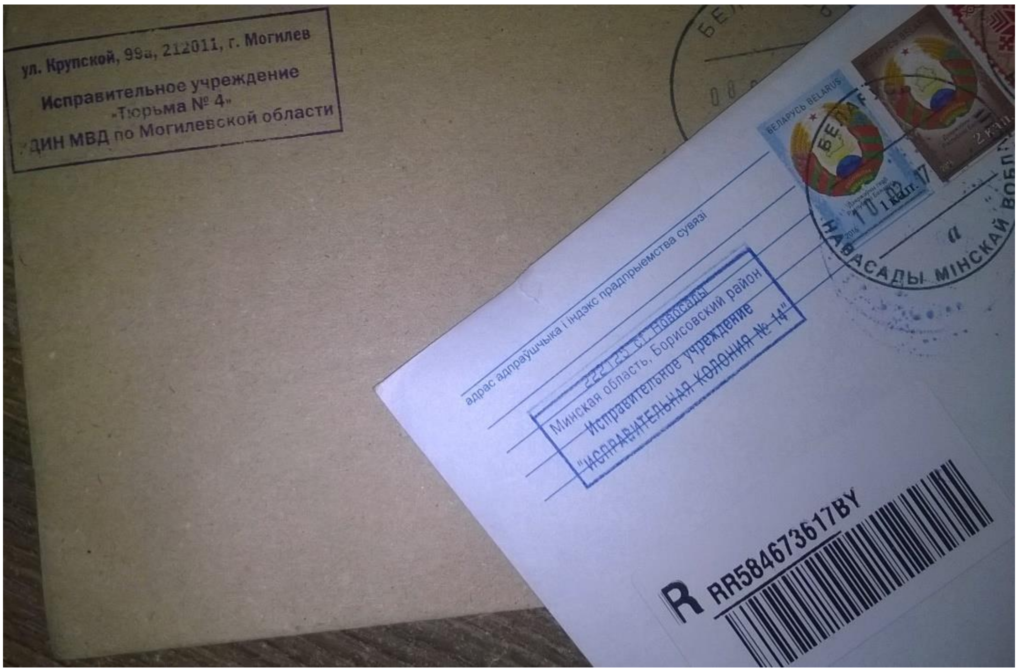
Администрациям мест лишения свободы следует организовывать и поддерживать максимально благоприятные условия контактов заключенных с членами их семей. Это утверждение является следствием права на семейную жизнь и положений Статьи 10 Международного Пакта о гражданских и политических правах: «Со всеми заключенными, лишенными свободы, следует обращаться гуманно и с уважением к чувству собственного достоинства человеческой личности».

В пенитенциарных учреждениях за пределами Беларуси до самого последнего времени существовала традиция цензуры всей входящей и исходящей корреспонденции заключенных. Для этого использовались два основных оправдания. Предполагалось, что заключенные могли обсуждать со своими корреспондентами планы побега или иного нарушения правил режима. Другим основанием была возможность «перехватывать» неприятные для заключенного новости.

Однако, по мнению исследователей пенитенциарных правил, сейчас уже общепринято, что соображения режимной безопасности не могут служить оправданием цензуры всей корреспонденции. «Например, чрезвычайно маловероятно, что заключенный, рассматривающий возможность побега, настолько глуп, чтобы сообщать об этом в письме. В то же время все согласились, что заключенные, как и все остальные люди, имеют право из первых рук получать новости о своей семье, вне зависимости от того, хорошие они или плохие. Для тех заключенных, у которых оценка риска высока, может оказаться необходимым подвергать цензуре всю исходящую и входящую корреспонденцию, а также иметь перечень разрешенных корреспондентов. Для других заключенных необходимость постоянной цензуры их переписки отсутствует».

Это не посягает на право администрации мест заключения убедиться в том, что входящая корреспонденция не содержит каких-либо запрещенных вложений типа оружия или наркотиков. В некоторых странах существует положительно оцениваемая практика, когда вся входящая корреспонденция вскрывается в присутствии заключенного, которому она адресована. Сотрудник тюрьмы проверяет, что в конверте не содержится ничего запрещенного, после чего вручает заключенному письмо, не читая его.

В Беларуси в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, осужденным к лишению свободы разрешается получать и отправлять письма и телеграммы без ограничения их количества. Отправление писем и телеграмм осуществляется за счет осужденных. Корреспонденция, получаемая и отправляемая осужденными, за исключением предложений, заявлений и жалоб осужденных, адресованных в органы, осуществляющие государственный контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих наказания, подлежит цензуре. Переписка между содержащимися в исправительных учреждениях осужденными, не являющимися близкими родственниками, запрещается.

Корреспонденция из мест лишения свободы. Фото ПЦ «Вясна»

Порядок получения и отправления осужденными писем, телеграмм и денежных переводов определяется Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

В соответствии с ПВР, получение и отправление осужденными писем и телеграмм осуществляются без ограничения их количества и производятся только через администрацию ИУ. С этой целью в каждом изолированном участке, а в воспитательной колонии – в установленном месте, вывешиваются почтовые ящики, из которых ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, уполномоченными на то должностными лицами письма вынимаются для отправления. В тюрьмах, а также ПКТ исправительных колоний, письма для отправления осужденные вручают представителям администрации ИУ. Письма опускаются в почтовые ящики или передаются представителю администрации ИУ в незапечатанном виде. Переписка осужденных, как указывалось, подвергается цензуре. Письма осужденных и письма, поступившие на их имя, выполненные тайнописью, шифром, с применением других условностей или жаргона, а также носящие циничный характер, направленные на причинение вреда охраняемым законом правам государственных органов, общественных объединений и отдельных граждан либо содержащие сведения, составляющие государственную, служебную тайну, адресату не направляются и осужденному не выдаются. Об этом объявляется осужденному, после чего такая корреспонденция уничтожается. Настоящее правило распространяется и на телеграммы аналогичного содержания.

Максимальный срок, в течение которого письмо должно пройти цензуру, не ограничен.

Такой порядок позволяет администрации ИУ произвольно ограничивать переписку заключенных, а отсутствие действенных механизмов обжалования лишит обе стороны переписки

возможности обжаловать действия администрации. Ключевым моментом является предусмотренная законом возможность уничтожения отправления. Поэтому даже обращение в суд с требованием признать незаконным действия администрации, не направившей адресату письма, не выполненные тайнописью, шифром, с применением других условностей или жаргона, не носящие циничный характер, не направленные на причинение вреда охраняемым законом правам государственных органов, общественных объединений и отдельных граждан, не содержащие сведения, составляющие государственную, служебную тайну не станет эффективным средством защиты, поскольку к моменту судебного рассмотрения сам «предмет спора» будет уничтожен.

Иной порядок установлен для следственных изоляторов МВД и КГБ. Вручение писем и телеграмм, поступающих на имя лиц, содержащихся под стражей, а также отправление их писем адресатам производится сотрудниками СИЗО не позднее чем в трехдневный срок со дня поступления письма, за исключением праздничных и выходных дней. При необходимости перевода письма на один из государственных языков Республики Беларусь срок передачи письма может быть увеличен на время, необходимое для перевода, но не более чем на семь дней. Сведения о смерти или тяжелом заболевании близкого родственника или члена семьи сообщаются лицу, содержащемуся под стражей, незамедлительно после их получения.

Письма, содержащие сведения, которые могут воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, а также способствовать совершению преступления, выполненные тайнописью, шифром, содержащие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, адресату не отправляются, лицам, содержащимся под стражей, не вручаются и передаются органу, ведущему уголовный процесс.

Переписка осужденного с защитником производится на общих основаниях, то есть, подлежит цензуре. Это нарушает адвокатскую тайну, лишая заключенного возможности без больших затрат получить разъяснение адвоката. К сожалению, позиция адвокатского сообщества по этому вопросу неизвестна.

Безусловно, контроль над перепиской заключенных может устанавливаться национальным законом, и право на тайну переписки осужденных может быть ограничено, однако ограничение этого права должно быть основано на законе, преследовать законную цель и быть необходимым в демократическом обществе. Случаи необоснованного ограничения права должны быть исключены, а для этого необходима прозрачная и несложная процедура административного и судебного пересмотра решений администрации ИУ. Кроме того, необходимо установить максимальный срок, в течение которого корреспонденция должна быть направлена или вручена адресату.

Жалобы

Для любых государств ситуация в тюрьме характерна тем, что жалующиеся на нарушение закона находятся под контролем тех, против кого направлены их жалобы. В таких обстоятельствах, как отмечают заключенные белорусских тюрем и колоний, оказывается, что не в интересах заключенных подавать даже обоснованные с точки зрения закона жалобы. Поэтому закон должен не только декларировать, но и обеспечивать механизм подачи жалоб, при котором заключенный не будет наказан за подачу жалобы, даже если она окажется необоснованной.

Исследователи пенитенциарных правил подчеркивают, что если заключенный не может сам подать жалобу, то должна существовать возможность подачи жалобы от его имени членами семьи или его представителем. В некоторой степени это правило реализуется в Беларуси: по удостоверенной доверенности члены семьи могут подавать некоторые жалобы от имени

заключенных, в частности – на условия содержания. Участие же родных в подаче жалоб по правилам УПК исключено даже при наличии таких доверенностей.

Международный Пакт о гражданских и политических правах, Статья 2, закрепляет обязанность каждого государства

(a) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное право правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве;

(b) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты;

(c) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они представляются.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Принцип 33:

(1) Задержанное или находящееся в заключении лицо или его адвокат должен иметь право направить в органы, ответственные за управление местом задержания или заключения, или в более высокие инстанции, а в случае необходимости – соответствующим органам, уполномоченным рассматривать жалобы и предоставлять средства защиты, – просьбу или жалобу относительно обращения с данным лицом, в частности в случае пыток или иного жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство вида обращения.

(2) В тех случаях, когда ни задержанное или находящееся в заключении лицо, ни его адвокат не имеют возможности осуществить его право в соответствии с пунктом 1, такое право могут осуществить член семьи задержанного или находящегося в заключении лица, или какое-либо другое лицо, которое осведомлено об этом деле.

(3) Следует соблюдать конфиденциальность просьбы или жалобы, если об этом просит податель просьбы или жалобы.

(4) Каждая просьба или жалоба должна быть рассмотрена без промедления, а ответ должен быть дан без неоправданных задержек. В случае отклонения этой просьбы или жалобы, или в случае неоправданной задержки податель просьбы или жалобы может направить ее в судебный или иной орган. Как задержанное или находящееся в заключении лицо, так и любой податель просьбы или жалобы в соответствии с пунктом 1 не могут подвергаться преследованиям за подачу просьбы или жалобы.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 36:

(1) Каждый заключенный должен иметь возможность обращаться в будние дни к директору заведения или уполномоченному им сотруднику с заявлениями или жалобами.

(2) Во время инспекции заключенные должны иметь возможность обращаться с просьбами или жалобами к тюремным инспекторам. Они должны иметь право говорить с инспектором или каким-либо другим сотрудником инспекции в отсутствии директора или других сотрудников заведения.

В Беларуси, в соответствии с национальным законом, каждый осужденный может изложить предложение, заявление или жалобу устно либо письменно. Осужденные вправе подавать предложения, заявления и жалобы только от своего имени. Письменные предложения, заявления

и жалобы направляются по адресу через администрацию ИУ. Обращения осужденных без подписи рассмотрению и направлению адресату не подлежат. Предложения, заявления и жалобы, адресованные в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания, просмотру и цензуре не подлежат и не позднее чем в суточный срок за исключением выходных, государственных праздников и праздничных дней, являющихся нерабочими днями) направляются по принадлежности. Другие обращения осужденных подвергаются цензуре.

Предложения, заявления и жалобы по вопросам получения передач, посылок и бандеролей, предоставления свиданий, расходования денег, начисления зарплаты, привлечения к труду, оказания медицинской помощи, обеспечения вещевым имуществом, а также иным вопросам подобного характера (кроме предложений, заявлений и жалоб, адресованных в органы осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания), которые могут быть решены администрацией ИУ, разрешаются, не ожидая результатов рассмотрения их органами или лицом, которому они направлены.

Предложения, заявления и жалобы, направляемые в государственные органы и общественные объединения, а также на имя должностных лиц (кроме предложений, заявлений и жалоб, адресованных в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания), администрация ИУ сопровождает письмом, в котором кратко указывает свое мнение по существу изложенного. К заявлениям и жалобам в судебные органы и органы прокуратуры, в которых содержится просьба о снижении меры наказания, а также к заявлениям о переводе в другое ИУ приобщаются справки-характеристики.

Предложения, заявления и жалобы, поданные в письменном виде, регистрируются в канцелярии ИУ и не позднее чем в трехсуточный срок направляются адресату. Поступившие ответы по результатам рассмотрения предложений, заявлений и жалоб объявляются осужденным под роспись при их поступлении, но не позднее чем в трехсуточный срок. Последней формулировкой пользуется администрация и только знакомит осужденных с текстом ответа, не передавая сам ответ заключенному, что затрудняет последующую переписку осужденного, лишенного возможности пользоваться текстом ответа для подготовки, например, повторной жалобы.

Предложения, заявления и жалобы осужденных по поводу решений и действий органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, не приостанавливают их исполнение.

Предложения, заявления и жалобы, адресованные в государственные органы, редакции газет и журналов, общественные объединения и на имя должностных лиц, содержащие вопросы, которые эти органы, общественные объединения либо должностные лица в силу положения о них или их правомочий решать не компетентны, по просьбе осужденного направляются адресатам. Ему разъясняется и рекомендуется адресовать предложение, заявление или жалобу соответствующему компетентному органу, организации либо должностному лицу. В случае, если осужденный настаивает на направлении его предложения, заявления или жалобы в избранный им государственный орган (общественную организацию), должностному лицу или иную организацию, ему разъясняется, что его предложения, заявления или жалобы, рассмотренные администрацией ИУ, с решениями по которым осужденный не согласен, а также по иным вопросам, связанным с исполнением уголовного наказания, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» первоначально направляются в управление Департамента по области или управление Департамента по г. Минску и Минской области (по территориальности), где подлежат рассмотрению по существу в соответствии с компетенцией, а при повторном несогласии с результатами рассмотрения осужденный может обратиться в Департамент, Министерство

внутренних дел Республики Беларусь. Решение Министерства внутренних дел Республики Беларусь по заявлению или жалобе может быть обжаловано в суд.

Иными словами, если заключенный обращается, например, в общественную организацию или в общественную наблюдательную комиссию любого уровня с сообщением-жалобой на условия содержания, то такое письмо подлежит цензуре, по результатам которой есть шанс, что решение о возможности его передачи адресату будет принято после двукратного рассмотрения вопроса чиновниками Департамента исполнения наказания по решению суда. Такой порядок необоснованно ограничивает права осужденных на подачу жалоб и сообщений о своем положении, с одной стороны, и средств массовой информации и общественных организаций на получение сведений о соблюдении прав осужденных, с другой.

Спорным является также положение о том, что предложения, заявления и жалобы, содержащие нецензурные выражения, а также унижающие честь и достоинство работника ИУ, адресату не направляются. Такие письма приобщаются к материалам личного дела осужденного, а подавшие их лица привлекаются к ответственности в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Однако возникает вопрос: достаточно ли у администрации ИУ полномочий, чтобы самостоятельно определять, какие выражения являются нецензурными, и какие унижают честь и достоинство работников ИУ. Видится, что такие обращения должны рассматриваться адресатом, поскольку в обращениях может содержаться важная информация, а вопрос о защите личных прав лиц, чьи честь и достоинство унижены, должен решаться в соответствии с общими нормами гражданского права независимо от того, являются ли эти лица сотрудниками ИУ.

Свидетельства заключенных

Политзаключенный Михаил Жемчужный сообщает проблемах с корреспонденцией в ИК-14 (ст. Новосады, Борисовского района): 28 июня (2016 года) «сначала вызвал начальник спецотдела с разборками по поводу оплаты надзорной жалобы. Я ему подробно рассказал, как мне сотрудник спецчасти отказал в отправке надзорной жалобы. Повторно пришлось сообщать, что, по словам сотрудника спецчасти в звании капитана, надзорные жалобы в ИК-14 отсылаются через год после вынесения приговора. Других инструкций по процедуре отправки ни на стендах, ни в личных беседах с начальником отряда мне доведено не было. Я трижды безрезультатно обращался письменно с заявлениями на оплату госпошлины. Их не нашли. Они исчезли». Михаил Жемчужный отметил, что начальник спецотдела проинформировал его о том, что по факту отказа ему в течение года в подаче надзорной жалобы назначена проверка. В тот же день, по словам Михаила Жемчужного, его вызвал сотрудник оперативного отдела Крышталь Виталий Александрович.

«На мой вопрос об основаниях и причинах его рапорта, из-за которого я был признан «склонным к экстремизму» при условии, что за 8 месяцев у меня не было ни одного замечания, он показал мне пачку извлеченных у меня писем. Я попросил объяснить мне значение слова «экстремизм». Как я и ожидал, последовала серия попыток в виде набора несвязанных между собой слов, которые он сам в результате признал безуспешными и сказал, что я со своим жизненным опытом сам должен это знать. Письма на адреса моего адвоката и некоторых друзей он предложил мне забрать, поскольку в них содержится критика действий администрации «деструктивного» характера. Поскольку в письмах отсутствовали нецензурные слова, жаргон, иносказательный текст, аббревиатуры, иностранные слова, администрация обязана отправить их адресатам, поэтому забрать письма я отказался». По тому, что письма, например, к правозащитнику Татьяне Ревяко, к которым также имелись претензии, она все же получила, можно сделать вывод, что они все же были отправлены адресатам – все или часть из них».

Исправительная колония №14 ст. Новосады Борисовскоо района. Фото: ПЦ «Вясна».

Политзаключенный сообщает и о других проблемах с получением и отправкой писем: он пишет в среднем одно письмо в месяц каждому из своих друзей:

«Сегодня один из них сообщил, что сразу получил три письма. Значит, три месяца письма от меня где-то лежали. 28 июня, в конце этого трудного дня, меня снова вызвал начальник отряда и сообщил радостную новость. У него в портфеле «затерялось» письмо от Дедка Николая, и с 14 июня он его носит».

Ранее у Михаила Жемчужного уже были проблемы, связанные с несовершенным регулированием вопрос переписки, в том числе – с государственными органами: находясь в СИЗО, 60-летний заключенный мог начать процедуру оформления пенсии только одним путем - через переписку. Однако ответа на свое обращение в социальную службу Октябрьского района Витебска, посланное еще в августе 2015 года, он не получил до октября того же года.

После бесплодного обращения к районным чиновникам он должен обратиться в областной комитет по труду, занятости и социальной защите. И туда пришлось писать дважды, пока наконец не пришел ответ от председателя комитета Александра Христофорова. Из него следует, что пенсию за последние три месяца Жемчужный получить уже не сможет, так как «не предпринял своевременно процедуру оформления». Историю переписки с чиновниками Михаил Жемчужный изложил в письмах к витебскому правозащитнику Леониду Светику, который сообщил:

«Жемчужный не имеет близких родственников, которые занимались бы оформлением пенсии, потому понадеялся на переписку с соответствующими службами. Через два месяца ожидания ответа из областного комитета по труду, занятости и социальной защите ему написали, что в письме из районного отдела ему уже давно написали, как нужно начинать процедуру оформления. Однако такого письма Михаил не получал. Поэтому он готовит обращение в суд, чтобы из чиновников взыскали за то, что он просрочил с процедурой оформления и потерял пенсию за три месяца. Также

он обратился в Министерство труда и социальной защиты, чтобы там разобрались с его ситуацией. А ситуация свидетельствует о том, насколько бесправный человек за решеткой: он как нигде в другом месте зависит от результатов переписки. Письма за решетку доходят далеко не все, и писали ли их вообще, часто остается неизвестным. Между тем пенсия для Михаила Жемчужного – это очень существенно. Ведь он одинокий человек и не имеет близких родственников, которые могли бы материально поддержать его в заключении».

В октябре 2016 года у заключенного обострились отношения с администрацией колонии; причиной этого он считает сообщения адвокату и правозащитнику критических сведений о порядках в колонии. Заключенный заявляет о пропаже из документооборота заявлений в Борисовскую прокуратуру, Генпрокуратуру, в Борисовский суд и суд г. Минска и Минской области.

«Мои обращения к адвокату и в Верховный суд трижды возвращали по причине, якобы из-за неправильного заполнения конвертов...»

Регулярно поступают сведения о проблемах с перепиской и подачей жалоб и обращений у заключенного правозащитника Андрея Бондаренко:

Правозащитник пытался обжаловать административное взыскание, полученное во время отбывания наказания в Бобруйской исправительной колонии № 2.

Адвокат заключенного ходатайствовал о присутствии Бондаренко на заседании, однако судья Елена Дыбленко отклонила ходатайство. Она поинтересовалась, почему после административного взыскания прошло больше года, прежде чем Бондаренко обратился в суд. В связи с этим защитник пояснил:

— В ИК №2 у него была сложная ситуация. Он испытывал сильное давление как со стороны администрации, так и со стороны некоторых заключенных. Он неоднократно писал жалобы относительно этого и других инцидентов, но, по его словам, они не покидали даже пределы колонии. Он не получал никаких ответов на свои жалобы, из чего сделал вывод, что до адресата они просто не доходили. Когда его перевели в исправительную колонию в Шклове, проблем с корреспонденцией стало меньше. Он повторно послал свою жалобу в Департамент исполнения наказаний и в прокуратуру. После того, как он получил последний ответ из прокуратуры, он обратился в суд.

После возбуждения в отношении правозащитника уголовного дела за нарушение режима в период отбытия наказания, все отправленные им письма стали направляться следователю для приобщения к материалам уголовного дела, а впоследствии стали просто пропадать – об их судьбе отправителя не ставили в известность. После обращения правозащитницы Татьяны Ревяко к администрации тюрьмы, в которой содержится А. Бондаренко, стало известно о том, что письма от заключенного, адресованные ей, не проходят цензуру в связи с наличием в них «циничных выражений»; А. Бондаренко, как стало известно, настаивает на том, что в письмах он в допустимых выражениях описывал условия своего содержания и обстоятельства незаконного наложения на него взысканий.

В ИК-13 (г. Глубокое Витебской области) отбывает наказание заключенный Игорь Михновец. Письма и жалобы заключенного тщательно цензурируются; администрация колонии произвольно принимает решения о том, какие из них покинут территорию колонии. Активная позиция в вопросах обжалования незаконных действий администрации колонии, по мнению заключенного, стала причиной неоднократно наложенных на него дисциплинарных взысканий.

Исправительная колония №13, г. Глубокое. Фото: ПЦ «Вясна».

В начале декабря 2016 года заключенный сообщил в ПЦ «Вясна» о том, что его корреспонденция не передается адресатам, в том числе – государственным органам; сам он опасается за свою жизнь и здоровье. Усилиями правозащитников (см. Приложение 3) удалось организовать выбытие представителя прокуратуры Глубокского района в колонию для встречи с заключенным. Во время встречи заключенный смог вручить представителю надзирающего органа заявление о привлечении к ответственности и даче правовой оценки действиям и систематическим превышениям служебных полномочий администрацией колонии в Глубоком.

Рекомендации:

– следует внести изменения в законодательство Беларуси, регулирующее права осужденных, направленные на реальное обеспечение прав на обращение с жалобой или иным сообщением о своем положении в государственные органы и иные институты – общественные организации, средства массовой информации. В этой части права заключенных не могут отличаться от общих для всех, поскольку ограничение такого права ничем не обоснованно;

– переписке заключенных с адвокатом следует предоставить защиту, равную защите переписки с органами, осуществляющими контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания, при которой контроль за перепиской может ограничиваться лишь контролем за отсутствием запрещенных вложений в письме.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В соответствии с Уголовно-исправительным кодексом, оказание медицинской помощи, санитарно-гигиеническая и противоэпидемическая работа в исправительных учреждениях организуются и проводятся в соответствии с законодательством Республики Беларусь о здравоохранении, а также Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и иными нормативными правовыми актами Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение в исправительных учреждениях установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных.

Оказание медицинской помощи осужденным, а также государственный санитарный надзор в исправительных учреждениях осуществляются в соответствии с законодательством Республики Беларусь. На деле это означает, что заключенный попадает в ведение тюремных медиков и под санитарный надзор МВД; к правовому регулированию их деятельности Министерство здравоохранения отношения не имеет, за исключением редких случаев, когда заключенный попадает в гражданские учреждения здравоохранения.

При отсутствии в исправительных учреждениях возможности оказания скорой (неотложной) или плановой медицинской помощи, в том числе специализированной (онкологической, кардиологической, фтизиатрической и других видов помощи), необходимая медицинская помощь оказывается осужденным в организациях здравоохранения.

Закон «О здравоохранении» закрепил правило, по которому граждане Республики Беларусь имеют право на доступное медицинское обслуживание, которое обеспечивается:

– предоставлением бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения;

– предоставлением медицинской помощи в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую деятельность, за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь;

– доступностью лекарственных средств;

– осуществлением мер по санитарно-эпидемическому благополучию населения.

Дискриминация граждан в области обеспечения медицинской помощью недопустима.

Более десяти лет назад Указ Президента Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 587 определил судьбу исправительной колонии №1 в г. Минске и, соответственно, республиканской больницы Департамента исполнения наказаний. В соответствии с этим Указом, текст которого недоступен для ознакомления, предусматривалось строительство жилого квартала на земельном участке в границах улиц Кальварийской – Скрыганова – Бирюзова - ж.д. линия «Минск-Молодечно», т.е. на месте ИК-1 и республиканской больницы. Указом Президента Республики Беларусь от 7 июня 2010 г. № 288 «О строительстве комплекса зданий и сооружений следственного изолятора и республиканской общесоматической больницы» предусмотрено осуществить в 2010–2015 годах строительство и ввод в эксплуатацию в промышленной зоне «Колядичи» комплекса зданий и сооружений следственного изолятора и республиканской общесоматической больницы, а также

инженерной и транспортной инфраструктуры, необходимой для его обеспечения. Предполагалось, что строительство комплекса будет осуществляться в две очереди параллельно с разработкой, экспертизой и утверждением в установленном порядке необходимой для строительства каждой из них проектной документации: первая очередь (2010 – 2011 годы) – республиканская общесоматическая больница, а также инженерная и транспортная инфраструктура к ней, вторая очередь (2012 – 2015 годы) – здания и сооружения следственного изолятора, а также инженерная и транспортная инфраструктура к нему.

С 1 апреля 2011 года деятельность республиканской общесоматической больницы Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по ее прежнему месту нахождения прекращена. Формально она существует, однако в усеченном виде (по неподтвержденным данным – на 145 мест), на территории СИЗО-1 г. Минска. Как и ранее, лечение заключенных по поводу активного туберкулёза происходит в ИК-12 и ИК-4.

Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2011 г. № 607 изменены сроки строительства тюремной больницы: первая очередь (2010 – 2013 годы) – республиканская общесоматическая больница, а также инженерная и транспортная инфраструктура к ней, вторая очередь (2012 – 2015 годы) – здания и сооружения следственного изолятора, а также инженерная и транспортная инфраструктура к нему. Как оказалось, это была не последняя редакция в части сроков сдачи объекта: Указом Президента Республики Беларусь от 1 ноября 2013 г. № 494 срок окончания строительства передвинут на 2017 год: первая очередь (2010 – 2015 годы) – республиканская общесоматическая больница, вторая очередь (2012 – 2017 годы) – здания и сооружения следственного изолятора.

Действующая редакция Указа Президента Республики Беларусь от 07.06.2010 № 288 «О возведении комплекса зданий и сооружений следственного изолятора и республиканской общесоматической больницы» предполагает возведение комплекса в две очереди параллельно с разработкой, экспертизой и утверждением в установленном порядке необходимой для возведения каждой из них проектной документации: первая очередь (2010 – 2018 годы) – республиканская общесоматическая больница, а также инженерная и транспортная инфраструктура к ней, вторая очередь (2012 – 2020 годы) – здания и сооружения следственного изолятора, а также инженерная и транспортная инфраструктура к нему.

Так что, сроки ввода в действие тюремной больницы вновь отодвинуты. По признанию начальника ДИН МВД Беларуси С. Дорошко, в настоящее время готовность первой очереди строительства составляет около 60%.

С объектами, которые не относятся к социальной сфере, в частности – производственными, дело обстоит по-другому: в сентябре 2016 года в ИК № 24 состоялся торжественный ввод в эксплуатацию производственного корпуса филиала «Заречье» республиканского производственного унитарного предприятия «№ 4». Решение о строительстве данного корпуса было принято руководством Департамента исполнения наказаний в ноябре 2014 года. Общая стоимость объекта составила 16 млрд. неденоминированных рублей, что на 1,5 млрд. неденоминированных рублей ниже сметной стоимости. Строительство данного объекта осуществлялось точечно, за счет средств ИК № 24, государственного предприятия «№ 4» и внебюджетного фонда ДИН. Строительство заняло менее двух лет.

Фото с сайта mvd.gov.by

Ведется строительство и реконструкция еще 14 производственных объектов ДИН.

В соответствии с Конституцией гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения; государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания; право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда (статья 45).

Согласно пункту 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи.

В соответствии с Международным Пактом об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированным Республикой Беларусь, каждое участвующее в Пакте государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер. Участвующие в Пакте государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Меры, которые должны быть приняты для осуществления этого права, включают мероприятия, в том числе необходимые для создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Международные обязательства Республики Беларусь по признанию и обеспечению права человека на охрану здоровья, пользованию современными услугами системы здравоохранения и

средствами лечения болезней и восстановления здоровья вытекают и из ряда других международных документов, а также соглашений регионального характера, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического сообщества, включая Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения от 26 июня 1992 года, Соглашение о сотрудничестве в области оказания высокотехнологичной медицинской помощи гражданам государств – членов Евразийского экономического сообщества от 28 сентября 2012 года и др.

Конституционный Суд Республики Беларусь «считает, что право на охрану здоровья относится к числу важнейших конституционных прав человека в силу особой сущности и значимости охраняемого блага. По мнению Конституционного Суда, ценность здоровья, являющегося по своей сути неотчуждаемым благом, заключается в том, что без него умаляется либо утрачивается значение многих других благ и ценностей. Этим предопределяется и характер обязанностей Республики Беларусь как социального государства, признающего свою ответственность за сохранение и укрепление здоровья граждан и обеспечение надлежащего правового регулирования отношений, связанных с реализацией конституционного права на охрану здоровья».

Есть уверенность в том, что экономическое положение Беларуси в целом и Департамента исполнения наказаний, в частности на данном этапе, позволяет нести расходы на строительство за счет бюджета объектов, обеспечивающих соблюдение социальных прав заключенных. Во всяком случае, жилые дома для сотрудников ДИН с использованием бюджетного финансирования строятся регулярно и вводятся без промедления.

Следует с удовлетворением отметить, что шаги по точечной гуманизации условий содержания заключенных в учреждениях ДИН сделаны:

– в рамках программы по созданию безбарьерной среды в тюрьме № 4 (г. Могилев) оборудована камера для тех, кто испытывает сложности в самообслуживании.

Фото с сайта mvd.gov.by

Это исправительное учреждение одно из первых в республике переоборудовало обычную камеру в специализированную, для людей с ограниченными возможностями. В ней есть все необходимое для человека с особенностями здоровья: поручни, специальная медицинская кровать, стол, умывальник и санузел снабжены специальными перилами. Все соответствует стандартам Министерства здравоохранения. Проект реконструкции камеры для инвалидов создавался с применением передового опыта в сфере реабилитации людей с ограниченными возможностями. К сожалению, эта практика не распространилась на другие тюрьмы и исправительные учреждения.

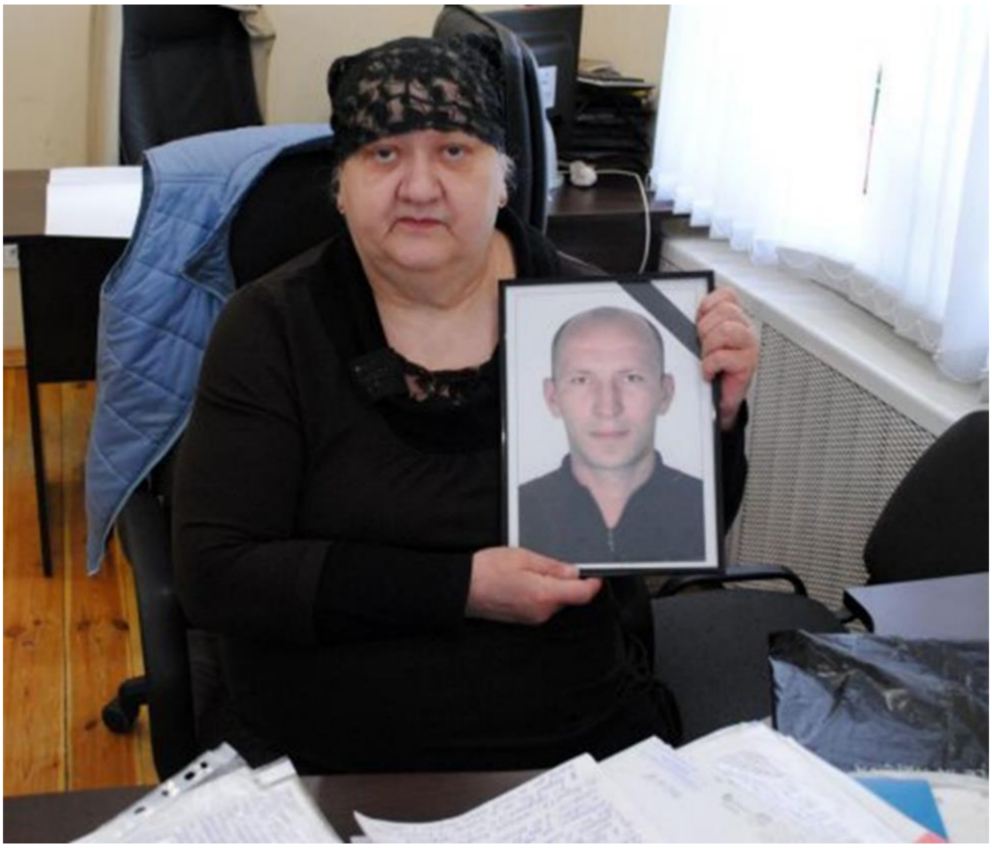
Фото с сайта mvd.gov.by

Уголовным кодексом предусмотрена возможность освобождения заключенных с тяжелым заболеванием, препятствующим отбыванию наказания, от отбывания наказания, или это наказание может быть заменено более мягким. Однако при этом учитываются тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, характер заболевания и другие обстоятельства. Таким образом, невозможность отбытия наказания по состоянию здоровья не является безусловным основанием для освобождения заключенного от наказания.

Дело Олега Богданова

Жительница Минска Марина Георгиевна Богданова обратилась за помощью в Правозащитный центр «Вясна» с надеждой добиться наказания медицинских работников Жодинской тюрьмы №8, в которой недавно умер ее сын. Мать считает, что медики ненадлежаще выполнили свои профессиональные обязанности.

В августе 2015 года 36-летний Олег Богданов попал в пьяную драку. Парня задержали, а в конце декабря 2015 года судом Ленинского района Минска он был признан виновным и осужден на четыре года лишения свободы с направлением в колонию усиленного режима. На суде он своей вины не признал, мать также считает, что в этом деле не все до конца выяснено. Поэтому и была подана кассационная жалоба в Минский городской суд.

Марина Георгиевна Богданова с портретом сына. Фото: ПЦ «Вясна».

Особенность отбывания наказания Олега Богданова в «Тюрьме №8» г. Жодино заключалась в том, что до своего заключения он стоял на учете в кардиологическом центре, регулярно проходил обследование, а в 2014 году ему была сделана срочная операция на сердце. При обследовании перед операцией выяснилось, что у Олега вдобавок отсутствует один сердечный клапан, поэтому вместо него поставили протез. Богданов получил III группу инвалидности, потерял работу. Кстати, из-за своей болезни еще раньше ему пришлось попрощаться также и с учебой в Военной академии.

После операции необходимо было принимать специальные лекарства, регулярно проводить лабораторные обследования, наблюдаться у кардиолога, делать ЭКГ. Но как это можно качественно и профессионально делать в условиях заключения?

Родители сделали все, что смогли в этой ситуации: передали тюремным врачам все необходимые медицинские заключения, лекарства, список необходимых процедур.

Но тревогу за свое здоровье Олег не скрывал в письмах родителям и даже в письме к судье, который рассматривал его дело.

Еще находясь в СИЗО №1 на улице Володарского в Минске Олег Богданов 6 января пишет заявление на имя судьи Ленинского района Минска Д. Остапенко, которое просил приобщить к материалам уголовного дела:

«В последнее время я очень плохо себя чувствую, медицинская помощь не оказывается, врачи, фельдшеры и другие работники, под всевозможными предлогами отказываются оказывать какую-либо помощь. Добиться «истины» я не могу, я уже обращался с письменными и устными заявлениями к начальнику СТ-8, начальнику медсанчасти, но никаких действий с их стороны не было, кроме написания рапортов за лежание на кровати.

Мои доводы о плохом самочувствии считают за симуляцию. Видя всю абсурдность и безвыходность данной ситуации, я вынужден оставить завещание и выразить последнюю волю.

Завещание и последняя воля.

«Я, Богданов Олег Владимирович, 1979 года рождения, находясь в трезвом уме и твердой памяти, завещаю все свое имущество своим родителям. Желаю, чтобы после смерти мое тело предали огню, а пеплом воспользуйтесь по своему усмотрению.

Прошу это заявление приобщить к материалам уголовного дела.

А. Богданов».

А Марина Георгиевна, обеспокоенная состоянием здоровья сына, продолжала обращаться в различные инстанции, но получала бюрократические отписки. Например, начальник ИУ «Жодинская тюрьма №8» Д. Стребков сообщает женщине:

«Ваш сын стоит на диспансерном учете, получает необходимое симптоматическое лечение, еженедельно проходит лабораторное обследование... В настоящее время состояние здоровья Богданова А. стабильно удовлетворительное, жалоб на здоровье не предъявляет».

При этом мать демонстрирует длинный список переданных в тюрьму лекарств, которые были изъяты из камеры сына в Жодино.

Последнее письмо от сына Марина Георгиевна получила после его смерти, оно было датировано 28 января. Олег описывает условия в Жодинской тюрьме и ситуацию со своим здоровьем:

«Кровь периодически сдаю, но о результатах мне не говорят. Говорят, что все в норме. «Варфарина» осталось на две недели. Нужны обезболивающие средства.

Больница здесь – это бывший карцер, находится в подвале. Камеры 3 на 2,5 метра, сидят от 5 до 11 человек на три кровати. Днем лежать на кровати нельзя, только сидеть. Пол, стены и потолок бетонные. Лечения никакого нет. Прошу охранников вызвать доктора – они не вызывают».

За здоровьем слежу, но иногда становится плохо, случаются какие-то приступы, я теряю сознание, а на кровать ложиться не позволяют – пишут рапорта. А у меня уже четыре замечания за то, что лежал днем на кровати. Скоро поведут на карцер. На всякий случай я написал завещание».

Вечером 28 января Олега Богданова за нарушения правил внутреннего распорядка перевели из камеры 97 в одиночную камеру 107, а попросту – в карцер.

На следующий день, Богданов после подъема в 6 утра по команде вышел в коридор с матрасом. Контролер ухудшения здоровья у него не заметил. Известно, что через полчаса Олег отказался от завтрака. Через некоторое время контролеры в глазок камеры заметили его сидящим на полу. Он еще что-то бормотал. Контролер проинформировал дежурного, затем звонил начальству, потом открыли камеру. Наконец был вызван фельдшер, начались реанимационные мероприятия, к которым через полчаса присоединились и врачи скорой помощи. Но не помогли ни искусственное дыхание, ни введение адреналина с атропином, и в 7 часов 40 минут была констатирована смерть.

Мать Олега до сих пор не может понять, как могло случиться, что сын мог умереть в медчасти – неужели рядом не было ни медицинского персонала, ни контролеров-охранников? Они же должны постоянно наблюдать за камерами. Почему этого не было? Почему сына вместе с фельдшером спасали и другие заключенные? И почему ей сообщили о смерти сына только в конце следующего дня?

Дело в том, что 30 января мать Олега с мужем привезли сыну передачу, даже не подозревая, что его больше нет в живых. Там приняли передачу и при этом не сообщили о смерти сына. Только вечером, когда родители вернулись в Минск, им позвонили из Жодино и сообщили о трагедии. Действительно, вопросов много.

Убежденные в халатности медицинского персонала тюрьмы, родители Олега обратились в Жодинский городской отдел Следственного комитета с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медработниками Жодинской тюрьмы №8.

После проведения проверки, в возбуждении уголовного дела им было отказано, но как следует из ответа Жодинского горотдела СК, в случае, если будет получено заключение новой, комиссионной судебно-медицинской экспертизы и при наличии признаков состава преступления, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть отменено.

Согласно же заключению эксперта от 26 февраля, – сообщает в ответе родителям умершего следователь, – смерть Богданова наступила в результате острой сердечной недостаточности, развившейся на фоне перерастяжения полости сердца и повышения давления в легочной артерии, что повлекло за собой порок развития аортальнага клапана. Повреждений на теле трупа не установлено.

Хотя в том же заключении государственного медицинского судебного эксперта отмечается следующее:

«При судебно-медицинской экспертизе трупа обнаружены кровоподтёки левой голени, ушиб левой подмышечной области с переходом на боковую поверхность грудной клетки. Кровоподтёки левой голени образовались от действия твердого тупого предмета в сроки не менее 6 суток до момента смерти и имеют признаки легких телесных повреждений».

Почему-то не попали в заключение экспертизы обширные гематомы на спине, которые заметила на теле Олега его мать.

Однако в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела утверждается, что «в ходе осмотра записей камеры видеонаблюдения от подъема до констатации смерти Олега, фактов противоправных действий не выявлено».

Из постановления также следует, что в отношении Олега все необходимые медицинские процедуры в тюрьме проводились регулярно и качественно, нужные лекарства, либо их отечественные аналоги, были в наличии и выдавались согласно процедурам, а с жалобами на состояние здоровья Богданов не обращался.

Марина Георгиевна много надежд возлагает на более основательную, комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, которая вскоре должна пройти и которая или подтвердит заключение предварительной экспертизы о причине смерти, или опровергнет ее.

Жодинский городской отдел Следственного комитета частично удовлетворил жалобу жительницы Минска Марины Богдановой в связи со смертью ее сына в Жодинской тюрьме №8. Она повторно просила следователей возбудить уголовное дело по факту ненадлежащего исполнения должностными лицами тюрьмы своих обязанностей, которые могли стать причиной смерти ее сына Олега Богданова, а также отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое ранее.

Не согласившись с таким ответом, Марина Богданова 2 апреля повторно обращается с жалобой в Жодинский городской отдел СК и через две недели получает ответ:

«Оставить без удовлетворения жалобу Богдановой М.Г. в части возбуждения уголовного дела в связи с ненадлежащим исполнением своих обязанностей работниками ИУ «Тюрма №8» и… удовлетворить жалобу Богдановой в части необходимости отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти Богданова А.В. и проведения по материалу дополнительной проверки, в том числе и для выяснения вопросов и проверки доводов, приведенных в рассматриваемой жалобе».

Начальник Жодинского городского отдела СК М. Кузнецов сообщает женщине о том, что смерть Богданова О. наступила по причине заболевания, которое имелось у него и не носит «криминальный» характер, обусловленный действиями третьих лиц.

В то же время, при проведении проверки, по мнению следствия, появилась необходимость выяснить, надлежащим ли образом выполняли свои обязанности медицинские работники системы ДИН МВД, в связи с чем была инициирована служебная проверка, по результатам которой в управлении сложных судебно-медицинских экспертиз назначена сложная экспертиза. Именно после ее проведения у следствия могут появиться основания для возбуждения уголовного дела.

После того, как Марина Георгиевна несколько раз обращалась с жалобами в различные инстанции на решение Жодинского следственного комитета, прокуратура города Жодино 13 мая ответила матери, что проводится повторная проверка.

«В ходе проведенной проверки установлено, что 11 мая 2016 года начальником Жодинского горотдела СК Кузнецовым М. С было вынесено постановление об отмене прежнего постановления от 29 февраля с направлением материалов для проведения дополнительной проверки. При этом было дано указание в ходе дополнительной проверки в том числе дать юридическую оценку действиям должностных лиц и медицинских работников ИУ «Тюрьма №8».

Поскольку такая проверка назначается не впервые и особенно не надеясь на ее объективность, Марина Богданова обратилась с жалобой и в Минскую областную прокуратуру. Однако жалобу опять перенаправили в прокуратуру г. Жодино. Ответ, датированный 24 июня, практически повторяет предыдущий:

«По результатам проверки прокурором города Жодино вынесено постановление об отмене постановления старшего следователя 2-го отделения СК Жодино П. Хомича от 20 мая об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти вашего сына с направлением материала начальнику Жодинского ГОСК для проведения дополнительной проверки».

Обыкновенному человеку от таких ответов – впору впасть в отчаяние: «Постановление отменяет постановление, а затем принимается новое постановление по поводу предыдущего постановления». Тем не менее, мать не оставляет надежды найти виновных в смерти своего сына в тюрьме и таким образом восстановить справедливость.

С помощью адвоката Марина Богданова подготовила и направила в Министерство здравоохранения подробный запрос и ждет разъяснений по поводу проведения государственной медицинской судебной экспертизы.

В конце августа 2016 года Марина Богданова направила очередную жалобу, на этот раз прокурору Минской области, на постановление следователя Жодинского ГОСК, который вновь отказал в возбуждении уголовного дела. Кстати, проверку по факту смерти Олега Богданова проводил орган предварительного расследования Жодинского ГОСК, который трижды в течение этого года принимал решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

Мать в жалобе приводит доказательства, что проверка по делу проводилось без учета важнейшего доказательства – анализа видеозаписи событий, непосредственно предшествовавших смерти и дальнейшего их развития.

По ее мнению, в протоколе осмотра диска с камеры видеонаблюдения внесены сведения, не соответствующие действительности. Вот что сообщает в жалобе Богданова:

«С просмотра упомянутой видеозаписи видно, что в камеру №107 после того, как мой сын уже находился более 13 минут без сознания, в 7.14 зашли фельдшер Медюшко и старший по корпусному отделению Куракин. Вместо того, чтобы сразу начать оказывать помощь моему сыну, проверить пульс, измерить давление и т.д. Медюшко стал детально исследовать содержимое полиэтиленового пакета с лекарствами сына, а Куракин стоял в стороне, ничего не делая. Это происходило в течение около 2-х минут, в то время как мой сын лежал без сознания. Данного описания действий Медюшки и Куракина в протоколе осмотра видеозаписи нет. И эти обстоятельства, соответственно, тоже не были учтены экспертной комиссией при даче заключения.

После изучения содержимого пакета с лекарствами, как видно из видеозаписи, Медюшко передал этот пакет кому-то за решетчатую дверь, и только после этого они с Куракиным стали поднимать на нары Богданова О. Какая дальнейший «судьба» этих лекарств, куда они исчезли, какие там были лекарственные препараты, в каком количестве, и что мог употребить перед смертью мой сын – этого орган предварительного расследования вообще не проверял, никакие упаковки с медицинскими препаратами не изымались».

Также Марина Богданова подвергает сомнению выводы комиссионной судебно-медицинской экспертизы, которая проводилась в процессе проверки, поскольку экспертам не были предоставлены достаточные для исследования материалы.

Она убеждена что эксперты, которые входили в состав комиссии, самоустранились от проведения объективных и скрупулезных исследований.

Так, в распоряжении государственных медицинских экспертов Манышева В.И., Давыдова Р.Р. и Казака А.Л. находился упомянутый выше диск с видеозаписью камеры видеонаблюдения, которая зафиксировала последние минуты жизни моего сына и процесс проведения с ним реанимационных мероприятий. Однако эксперты эту запись не просматривали, не анализировали, не исследовали и оценку всему зафиксированному не давали. «Все то, что происходило в камере № 107 в период наступления смерти моего сына, они оценивали только по рассказам и сфальсифицированному протоколу следователя».

Как показала экспертиза Жодинского МРО ГК СЭ Республики Беларусь, смерть Богданова А. наступила в результате острой сердечной недостаточности, развившейся на фоне перерастяжения (дилатации) левого передсердия и желудочка и повышения давления в легочной артерии в совокупности с хронической сердечной недостаточностью.

Эти изменения состояния здоровья у Богданова возникли задолго до его смерти и определяли ее наступление. Однако среди заболеваний, которые фигурировали в медицинских документах в период содержания его в тюрьме, именно такой диагноз отсутствует. Таким образом, каких-либо профилактических и лечебных мер в отношении данной патологии предпринято не было.

Результаты судебно-медицинской экспертизы трупа и изучение данных видеозаписи камеры наблюдения вызывают сомнения в заявленном медицинскими работниками объеме якобы оказанной ему неотложной медицинской помощи (реанимационных мероприятий). Так, на теле Богданова О., согласно заключению эксперта и протокола осмотра места происшествия и трупа,

следы после инъекционного введения медицинских препаратов отсутствуют. Не видно также, какие конкретно инъекции вводились.

Вот почему у Богдановой имеются сомнения, что орган предварительного расследования не принял надлежащие меры, чтобы установить истинные обстоятельства смерти:

«В своих предыдущих обращениях я просила орган предварительного расследования провести ряд необходимых мероприятий с целью установления объективной картины произошедшего с моим сыном. Я показывала, что время уходит, теряются доказательства. Несмотря на это, по материалу практически ничего не сделано, чтобы закрепить данные об обстоятельствах случившегося».

А что это действительно так, легко убедиться из объяснений должностных лиц тюрьмы:

«из объяснения начальника тюрьмы №8 Стребкова Д. от 18.05.2016 (спустя почти четыре месяца): «пользуясь своим правом, от дачи объяснений отказываюсь»;

из объяснения врача-терапевта тюрьмы №8 Корниенко Л. от 18.05.2016: «...прошло достаточно много времени, каких-то подробностей я могу не помнить, потому, пользуясь своим правом, от дачи объяснений отказываюсь»;

из объяснения начальника госпиталя ИУ «Тюрьма №8» Лагунова В.Н. от 18.05.2016: «пользуясь своим правом, от объяснений отказываюсь»;

из объяснения старшего по корпусу Куракина Е. от 18.05.2016: «...от дачи объяснений отказываюсь. Отмечу, что что-либо объяснить не могу, детали произошедшего я уже не помню, потому что прошло достаточно много времени».

Неужели эти объяснения, полученные через четыре месяца после смерти Богданова, «позволят установить истину по делу»?

В связи с вышеприведенными аргументами Марина Богданова просит прокурора Минской области отменить постановление Жодинского ГОСК от об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти Богданова А. и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей работниками ИУ «Тюрьма №8»; возбудить уголовное дело по факту ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей работниками тюрьмы, поручив расследование другому органу предварительного расследования; дать указание органу предварительного расследования назначить повторную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу.

Однако прокуратуре в этих доводах разбираться не пришлось: постановление Жодинского ГОСК об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти в изоляторе тюремной больницы Олега Богданова отменил заместитель начальника управления Следственного комитета по Минской области, а материалы отправил на дополнительную проверку.

Наконец 5 октября 2016 года, во время личного приема у председателя Следственного комитета Беларуси, жалоба матери на действия сотрудников Жодинского горотдела СК и Минского областного отдела Следственного комитета, была принята к рассмотрению, и буквально через день было возбуждено уголовное дело по ч.2 ст. 162 УК (ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшее по неосторожности смерть пациента).

Одновременно центральный аппарат Следственного комитета Беларуси информировал мать о том, что по фактам нарушений, которые допустили сотрудники Жодинского ГОСК при проведении предыдущих проверок, поручено принять меры реагирования к виновным должностным лицам.

Суд Ленинского р-на г. Минска
судье Остапенко В.А.
обвиняемого
Богданова Олега Владимировича
1979 г.р. ст. 339 ч.3, 364 УК РБ

Заявление

В последнее время я очень плохо себя чувствую в ИУ СТ-8, как и в СИЗО-1 медицинская помощь не оказывается. Врачи, фельдшера и остальные работники под всевозможными предлогами отказываются оказывать какую-либо помощь. Добиться „правды" я не могу, я уже обращался с письменными и устными заявлениями к начальнику СТ-8, начальнику мед. части, рядовым работникам неоднократно, но никаких действий с их стороны не последовало кроме написания рапортов за лежание на кровати. Мои доводы о плохом самочувствии считают симуляцией. Видя всю абсурдность и безвыходность данной ситуации я вынужден оставить завещание и Высказывания последнего дня.

Завещание и последняя воля.

Я Богданов Олег Владимирович 1979 г.р. находясь в трезвом уме и твёрдой памяти завещаю всё своё имущество своим родителям. Желаю чтобы после смерти моё тело предали огню, пепел используйте по своему усмотрению.

Прошу данное заявление приобщить к материалам уголовного дела.

06.01.2016 г. (Богданов О.В.)

СЛЕДЧЫ КАМІТЭТ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ	**СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**
ЦЭНТРАЛЬНЫ АПАРАТ	ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АППАРАТ
вул. Фрунзэ, 19, 220034, г. Мінск тэл.: 389 50 02, 389 51 32, факс 389 53 86 e-mail:sk@sk.gov.by	ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск тел.: 389 50 02, 389 51 32, факс 389 53 86 e-mail:sk@sk.gov.by

07.10.2016 № КП-208-2016

на № ________ ад ________

Богдановой Марине Георгиевне

В Следственном комитете Республики Беларусь рассмотрена Ваша жалоба на действия и решения сотрудников Жодинского ГОСК и УСК Республики Беларусь по Минской области по материалу проверки по факту смерти Вашего сына Богданова О.В., принятая Председателем Следственного комитета Республики Беларусь 05.10.2016 на личном приеме.

Сообщаю, что 06.10.2016 УСК Республики Беларусь по Минской области возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 162 УК Республики Беларусь (ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшее по неосторожности смерть пациента). Производство предварительного расследования поручено следственному управлению УСК Республики Беларусь по Минской области. Приведенные Вами в обращении доводы будут проверены следственным путем в ходе предварительного следствия.

Одновременно информируем, что материалы проверки 21.09.2016 изучены в главном управлении процессуального контроля центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, даны письменные указания. По фактам нарушений, допущенных сотрудниками Жодинского ГОСК при проведении проверки, руководству УСК Республики Беларусь по Минской области поручено принять меры реагирования к виновным должностным лицам.

О результатах предварительного расследования Вы будете информированы дополнительно.

Временно исполняющий обязанности по должности начальника главного управления процессуального контроля — И.В.Снитков

Дело Игоря Барбашинского

Правозащитникам "Вясны" стали известны некоторые обстоятельства внезапной смерти в Жодинской тюрьме №8 жителя Слуцкого района Игоря Барбашинского.

Игорь Барбашинский, вместе с братом, обвинялись в злостном неповиновении сотрудникам милиции при исполнении служебных обязанностей, в сопротивлении и избиении сотрудников РОВД. В июне 2016 года братья Барбашинские были арестованы и до суда помещены в следственный изолятор города Жодино. 20 сентября Игорь умер в тюремной медчасти.

39-летний Игорь Барбашинский, майор в отставке, занимался спортом, до своего ареста никогда не жаловался на здоровье. Но в последние дни августа, находясь в следственном изоляторе, высказал жалобы на кратковременные потери сознания при осмотре у тюремного врача.

Затем в середине сентября Игорь Барбашинский во время медицинского осмотра пожаловался врачу-терапевту на значительное ухудшение здоровья: физическую слабость, частые головокружения, высокую температуру и крайне низкое давление. Тюремный врач отметил у больного состояние средней тяжести. Однако не смог определиться с диагнозом.

В тот же день, поздно вечером 16 сентября, состояние Барбашинского еще больше ухудшилось, дежурный фельдшер тюремной медчасти зафиксировал дальнейшее снижение артериального давления, высокую температуру (выше 39). Он вызвал скорую помощь и направил больного в Жодинскую центральную городскую больницу с диагнозом: нарушение мозгового крово-обращения.

Там Барбашинский находился трое суток, с 16 по 19 сентября. Его обследовали более основательно и определили, что причиной ухудшения здоровья является энцефалит неуточненной этиологии. Немного подлечив, в средней степени тяжести его вернули назад, в тюремную больницу. А утром 20 сентября Игорь Барбашинский умер.

Игорь Барбашинский. Фото: «Новый час».

Между тем, правозащитникам стало известно, что вместе с факторами, которые могли послужить причиной смерти заключенного, на теле Барбашинского были выявлены многочисленные телесные повреждения: кровоподтёки на грудной клетке и на ногах. Эти повреждения образовались от действия твердого тупого предмета и имеют срок давности около 3 суток. Количество кровоподтёков – 17 – соответствует количеству контактов с травмирующим предметом. Также были обнаружены рубцы на голове, возникшие от заживления глубоких ран месячной давности, предположительно в период пребывания его под арестом.

Мать Барбашинского требовала проведения проверки по факту внезапной смерти сына и направила ходатайство в городской отдел Следственного комитета г. Жодино о привлечении к

уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей сотрудников тюрьмы.

В суде Слуцкого района 16 ноября младший из братьев, Иван Барбашинский, в перерыве в зале суда сказал, что о смерти брата ему никто не сообщил, узнал он об этом только из письма родственников. Также обвиняемый пожаловался на свое состояние здоровья. Он рассказал, что в СИЗО врачи даже не знают, есть ли у кого-то аллергия на лекарства, которые они дают.

«Взяли слепки пломб и кровь из пальца – вот и все медицинское обследование. Почему в тюрьмах так много больных туберкулезом? От простого ОРЗ можно умереть, потому что тебе там никто не поможет. Люди там не люди, это просто мясо. В Жодинском СИЗО люди валяются по подвалам без сознания. Все, кто там находится, – в опасности», – подчеркнул Иван Барбашинский.

Ранее мать Барбашинских обращалась в Департамент исполнения наказаний, чтобы было проведено медицинское обследование Ивана Барбашинского и назначено соответствующее лечение. Однако ДИН отказал в проведении такого обследования.

«Он не похож на себя. Белое лицо, похудел килограммов на двадцать. Жалуется на шум в ушах и голове. Больной на одно ухо, которое не слышит, а теперь боится, чтобы не стать глухим совсем. У него только одно желание – не возвращаться обратно в Жодинское СИЗО, потому что там он может умереть», – плакала вслух мать.

Продолжая проверку, Жодинский городской отдел Следственного комитета изучал обстоятельства смерти подсудимого и факты ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих обязанностей.

Так, в ходе проверки было установлено, что в период с 18 августа по 16 сентября 2016 года Игорь Барбашинский неоднократно жаловался на головную боль, потери сознания, осматривался медиками скорой медицинской службы, врачами медицинской части Жодинской тюрьмы, переводился в медицинскую часть тюрьмы №8 для лечения и обратно в камеру. Вечером 16 сентября в связи с ухудшением состояния Игорь Барбашинский был госпитализирован в отделение анестезиологии и реанимации Жодинской центральной городской больницы, где обследовался различными специалистами.

По итогам обследования медики выставили подсудимому диагноз – энцефалит неуточненной этиологии, состояние было оценено как средней тяжести. Однако, врачами было принято решение о нецелесообразности продолжения терапии в условиях отделения реанимации и интенсивной терапии, и Игорь Барбашинский вечером 19 сентября был переведен в пульмонологическое отделение Республиканской больницы исправительного учреждения «Тюрьма №8» г. Жодино, где скончался около шести утра следующего дня.

Жодинский отдел Следственного комитета назначил дополнительную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, при этом его мать ходатайствует о включении в круг вопросов для экспертов дополнительных:

– что явилось причиной наступления смерти Игоря Барбашинского: тяжесть заболевания или неправильное лечение, недостатки оказания медицинской помощи?

– в полном ли объеме было проведено обследование обвиняемого, если нет, то какое обследование и лечение требовалось провести?

– имелись ли 19 сентября показания к оставлению И. Барбашинского в отделении анестезиологии и реанимации Жодинской городской больницы? Нуждался ли И. Барбашинский 19 сентября

в повторной госпитализации и требовалось ли ему проведение реанимационных мероприятий утром 20 сентября?

– оказало ли влияние на состояние его здоровья и каким образом то, что «оптимальная вводимая суточная доза лекарственная средства ацикловир должна составлять 30 мг/кг, то есть в два раза больше назначенной»?

– каковы степень тяжести, механизм и давность образования обнаруженных на теле обвиняемого кровоподтеков на передней поверхности грудной клетки, на внутренней поверхности правого коленного сустава, на правой голени, на границе правой голени с голеностопным суставом, на левой голени?

– какое количество рубцов обнаружено на голове И. Барбашинского при исследовании его трупа и какова степень тяжести телесных повреждений, вследствие которых рубцы появились, а также их давность и механизм образования?

Предполагалось, что по результатам такой экспертизы будет установлена причина смерти Игоря Барбашинского и дана правовая оценка качеству исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками станции скорой медицинской помощи Слуцкой центральной районной больницы, Жодинской центральной городской больницы, обособленного структурного подразделения Республиканской больницы и медицинской части тюрьмы №8 г. Жодино, а при установлении фактов оказания ненадлежащей медицинской помощи – виновные будут привлечены к ответственности.

В декабре 2016 года Жодинский городской отдел Следственного комитета возбудил уголовное дело по факту смерти в тюрьме №8 г. Жодино жителя Слуцка Игоря Барбашинского. В уведомлении, направленном матери умершего, сообщается, что дело возбуждено по признаку преступления, предусмотренного ч.2 ст. 162 Уголовного кодекса (ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшее по неосторожности смерть пациента).

Следчы камітэт
Рэспублікі Беларусь
Упраўленне па Мінскай вобласці
Жодзінскі гарадскі аддзел
вул. Сухагрядская, 1, 222160,
г. Жодзіна
тэл. (01775) 3 22 24
факс 3 78 79

Следственный комитет
Республики Беларусь
Управление по Минской области
Жодинский городской отдел
ул. Сухогрядская, 1, 222160,
г. Жодино
тел. (01775) 3 22 24
факс 3 78 79

08.12.16 № 6/20-6054

На № ______ от ______

Ш[redacted] Г.П.

Минская область, г. Слуцк,
ул. [redacted]

УВЕДОМЛЕНИЕ
о возбуждении уголовного дела

В соответствии со ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь сообщаю, что по факту ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками ИУ «Тюрьма № 8» УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области и УЗ «Жодинская центральная городская больница» при оказании медицинской помощи Вашему сыну Барбашинскому Игорю Станиславовичу, 1977 года рождения, на основании ст.ст. 166, 167 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, постановлением от 07.12.2016 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК Республики Беларусь (ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшее по неосторожности смерть пациента).

С постановлением о возбуждении уголовного дела можно ознакомиться в Жодинском городском отделе Следственного комитета Республики Беларусь, расположенном по адресу: г. Жодино, ул. Сухогрядская, 1, предварительно согласовав дату и время по телефону (801775) 3-43-12 (с 09.00 до 18.00 часов в будние дни).

Начальник 2 СО Жодинского ГОСК
майор юстиции

А.В. Жуковская

Дело Игоря Птичкина

4 августа 2016 года исполнилось 3 года со дня трагической смерти в Минском СИЗО №1 Игоря Птичкина. Ровно столько времени понадобилось его матери Жанне Птичкиной, чтобы с помощью правозащитников "Вясны" добиться возбуждения уголовного дела за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей фельдшером медицинской части СИЗО, повлекшее по неосторожности смерть пациента.

В мае 2016 года Жанна Птичкина, не согласившись с постановлением Следственного комитета о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному по факту смерти сына, обратилась в Генеральную прокуратуру, который отменил решение СК и принял дело к рассмотрению. Расследование завершилось в середине июля.

Минчанин Игорь Птичкин умер в СИЗО 4 августа 2013 года спустя несколько дней отсидки на «Володарке», где отбывал 3 месяца ареста за то, что управлял автомобилем вопреки приговору суда. Администрация изолятора заявила, что молодой человек умер от сердечной болезни, однако родственники обнаружили на теле синяки и следы повреждений и добились возбуждения уголовного дела, которое несколько раз приостанавливалось.

3 мая 2016 года стало известно том, что Генеральная прокуратура рассмотрела обращение Жанны Птичкиной, в котором она выражала несогласие с вынесенным ранее постановлением Следственного комитета о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному по факту смерти сына. Мать не верит в случайность его смерти от остановки сердца, и хочет, чтобы трагический случай был расследован, а виновные – наказаны.

По результатам этого рассмотрения последнее решение СК о прекращении уголовного дела было отменено, а уголовное дело принято к рассмотрению Генеральной прокуратурой, что случается, кстати, очень редко и, возможно, свидетельствует о некомпетентности следственных органов, которые проводили расследование.

«Думаю, что хуже уже не будет, – сказала Жанна Птичкина, комментируя решение Генпрокуратуры. – Если не мог разобраться Следственный комитет, то может получится у Генеральной прокуратуры? Сына убили за четыре дня, а сейчас прошло 3 года, три экспертизы провели, и ничего от следователей нельзя добиться».

Мать погибшего в столичном СИЗО № 1 минчанина Игоря Птичкина утверждает, что подробности дела о смерти ее сына, обнародованные Следственным комитетом, не соответствуют действительности.

Об этом Жанна Птичкина заявила информационному агентству БелаПАН, комментируя решение Генпрокуратуры Беларуси принять к производству дело о гибели ее сына.

Следствие тогда объявило, что Игорь систематически употреблял алкоголь и курительные смеси с наркотическими и психотропными веществами — об этом якобы свидетельствовали материалы дела и сведения базы данных о правонарушениях, согласно которым он пять раз задерживался за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Утверждалось также, что спустя несколько дней нахождения в СИЗО у Птичкина стали проявляться и нарастать признаки острого психического расстройства, выраженные в галлюцинациях, бреде, отказе от пищи и питья, мании преследования, он был госпитализирован в медчасть, где и умер. Родственникам заявили, что фактов применения насилия, физической силы и спецсредств в отношении Птичкина в период его пребывания в СИЗО не было.

Гибель 21-летнего парня в СИЗО получила широкий общественный резонанс и в конце сентября 2013 года УСК по Минску возбудило дело в отношении офицера МВД – работника медчасти СИЗО

Крылова, который подозревался в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, что повлекло смерть Птичкина. Потерпевшей по данному делу признали мать скончавшегося.

По словам Жанны Птичкиной, в первый раз дело о смерти ее сына было прекращено Следственным комитетом 29 декабря 2014 года. В январе 2015-го СК объявил, что обстоятельства смерти Птичкина установлены, и обнародовал подробности.

По версии СК, молодой человек якобы страдал синдромом сочетанной зависимости от психоактивных веществ (так называемых спайсов) и алкоголя, и с начала отбытия наказания у него возникло острое психическое расстройство. Это вызвало нарушение сознания и галлюцинации, в связи с чем Птичкин был госпитализирован в медчасть СИЗО и в целях предотвращения членовредительства зафиксирован мягкими ремнями к кровати. По заключению СК, Птичкин умер в медчасти 4 августа по причине острой сердечно-сосудистой недостаточности, возникшей на фоне развившегося синдрома.

СК также утверждал, что по делу были допрошены более 190 человек (лица, содержавшиеся с ним в одной камере, соседних камерах, близкие и знакомые умершего, а также сотрудники изолятора); проведено несколько следственных экспериментов, комплексные судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы; учитывая просьбу родственников, эксгумировалось тело умершего.

«Расследование уголовного дела в отношении медицинского персонала следственного изолятора о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, повлекшем по неосторожности смерть осужденного Птичкина, прекращено, — говорилось в сообщении СК. — Основным в наступлении смерти явились характер и тяжесть самих болезненных процессов. Оказание медицинской помощи в полном объеме даже в условиях специализированного стационара не гарантировало благоприятного исхода, в связи с чем допущенные нарушения должностных инструкций со стороны медицинского изолятора СИЗО № 1 не состоят в прямой причинной связи с наступившими последствиями».

Кроме того, — сообщал СК, — в рамках дела установлено, что Птичкин помимо употребления спайсов являлся их активным распространителем. По данному факту одним из районных отделов УСК по Минску расследовалось уголовное дело в отношении Птичкина, в ходе которого были получены все необходимые доказательства его причастности к сбыту психотропных веществ. Кроме того, это подтверждается многочисленными допросами свидетелей. По данному факту уголовное преследование в отношении Птичкина прекращено по причине его смерти.

Родственники Птичкина не согласились с выводами следствия и обратились в Генпрокуратуру, которая в июне 2015 года вернула материалы дела для дополнительного расследования в СК.

В начале 2016 года СК вновь прекратил дело. 26 февраля Жанна Птичкина обжаловала это решение, и в конце апреля получила из Генпрокуратуры письмо, в котором сообщалось о возобновлении дела.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об отмене постановления о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, о возобновлении производства по уголовному делу и о принятии дела к производству

26.04.2016 г. Минск

Прокурор управления Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Республики Беларусь юрист 1 класса Граш В.В., изучив материалы уголовного дела №13121110323 и жалобу Птичкиной Ж.В.,-

УСТАНОВИЛ:

Данное уголовное дело возбуждено 26.09.2013 УСК по г.Минску в отношении фельдшера медицинской части СИЗО №1 старшего лейтенанта внутренней службы Крылова А.В. по ч.2 ст.162 УК по факту ненадлежащего исполнения им профессиональных обязанностей, повлекшего по неосторожности смерть пациента Птичкина И.А.

В дальнейшем уголовное дело принято к производству ГСУ СК.

По результатам расследования уголовного дела старшим следователем ГСУ СК Пантелеймоном И.И. 01.12.2015 вынесено постановление о прекращении предварительного расследования на основании п.2 ч.1 ст.29 УПК.

В Генеральную прокуратуру 26.02.2016 поступила жалоба потерпевшей Птичкиной Ж.В. о несогласии с вышеуказанным постановлением.

Изучением уголовного дела установлено, что данное решение является незаконным, необоснованным и подлежит отмене, а расследование по уголовному делу – возобновлению.

Так, процессуальное решение принято следователем на основании результатов последней комплексной комиссионной судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, согласно заключению которой причиной смерти Птичкина И.В. явилась сердечно-сосудистая недостаточность, к развитию которой привели синдром сочетанной зависимости от ПАВ (алкоголя и «спайсов»), состояние отмены ПАВ, состояние физического стеснения вследствие «мягкой фиксации» ремнями 03-04.08.2013. При этом оказание медицинской помощи в полном объеме даже в условиях специализированного стационара не могло гарантировать благоприятного исхода. Поэтому, по мнению экспертной комиссии, основным в наступлении смерти Птичкина И.А. явился характер и тяжесть самих болезненных процессов. Все выявленные недостатки оказания медицинской помощи не состоят в прямой причинной связи с наступившими последствиями.

При принятии решения о прекращении предварительного расследования следователем не дана комплексная оценка двум предыдущим комиссионным судебно-медицинским экспертизам.

Остался не изученным вопрос об отнесении мер физического стеснения, явившихся фактором развития сердечно-сосудистой недостаточности, к понятию «оказание медицинской помощи», что принципиально влияет на квалификацию действий Крылова А.В.

Не дана правовая оценка факту обнаружения на трупе Птичкина И.А. телесных повреждений, полученных в период нахождения в СИЗО №1, происхождение которых от фиксации ремнями исключается.

В нарушение ст.18 УПК Республики Беларусь, орган предварительного расследования не принял всех предусмотренных законом мер по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела.

На основании изложенного, руководствуясь ч.5 ст.34, ч.2 ст.183, ст.254 УПК Республики Беларусь ,-

ПОСТАНОВИЛ:

1. Постановление старшего следователя ГСУ СК Пантелеймона И.И. от 01.12.2015 о прекращении предварительного расследования по уголовному делу отменить, производство по уголовному делу возобновить.
2. Уголовное дело №13121110323 принять к своему производству и незамедлительно приступить к предварительному расследованию.
3. О возобновлении прекращенного предварительного расследования уведомить заинтересованных лиц.
4. Копию настоящего постановления направить вышестоящему прокурору.

Прокурор управления по надзору
за исполнением законодательства
Следственным комитетом
Республики Беларусь

юрист 1 класса В.В. Граш

«Я хочу восстановить справедливость»

Как сообщила БелаПАН мать умершего, представители СК запрещали ей рассказывать о подробностях дела.

«И на протяжении всего расследования я соблюдала это требование, — отметила Птичкина. — Однако сейчас, когда Генпрокуратура отменила постановление Следственного комитета о прекращении расследования и приняла к производству дело о гибели Игоря, я хочу заявить, что некоторые раскрытые Следственным комитетом подробности не соответствуют действительности. Считаю, что моего сына оклеветали, и хочу восстановить справедливость».

«Во-первых, — рассказала женщина, — в раскрытых для СМИ подробностях говорилось, что Игоря пять раз задерживали нетрезвым за рулем. Цифра верная, но эти пять раз были на протяжении семи лет, и не именно за рулем, а просто в нетрезвом состоянии — например, когда он переходил дорогу в неположенном месте. За рулем нетрезвым его задерживали только два раза».

«Во-вторых, на моего сына завели дело по сбыту и распространению спайсов. Для меня странно, что дело заводится после смерти, — заявляет Жанна Птичкина. — За руку его никто не ловил, а парень, который свидетельствовал против сына по этому делу, неправильно указал рост, внешние параметры, цвет волос и марку машины Игоря».

«В-третьих, ни одна из трех проведенных экспертиз не подтвердила, что сын являлся наркоманом, о чем заявлял СК, — утверждает женщина. — Мне запомнились комментарии одного врача. Суть их была в следующем: от передозировки наступление смерти — это случается, но чтобы человек умирал по причине того, что не употребил наркотические вещества — такого в практике не встречал. СК же заключил, что смерть наступила именно в результате зависимости от психоактивных веществ и алкоголя».

«И главное, — подчеркивает мать умершего, — два с половиной года СК отрицал факт наличия синяков на теле сына, а в итоге все-таки признал, что синяки могли быть. Когда Игоря привели в медсанчасть СИЗО, он вскочил и побежал, куда глаза глядят. Его вернули, он снова вскочил и побежал. СК признал, что за такое поведение контролеры могли применить по отношении к Игорю физическую силу. Врач медсанчасти признал, что после того, как сына во второй раз привели в палату, он не осматривал тело на наличие синяков — такая информация есть в материалах дела».

В мае 2016 года мать погибшего, Жанна Птичкина, не согласившись с постановлением Следственного комитета о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному по факту смерти сына, обратилась в Генеральную прокуратуру, которая отменила решение СК и приняла дело к рассмотрению.

15 июля 2016 года была распространена информация о том, что Генеральная прокуратура завершила расследование факта смерти в СИЗО №1 Игоря Птичкина. По информации ПЦ «Вясна», уголовное дело по привлечению в качестве обвиняемого фельдшера медицинской части СИЗО №1, офицера милиции Александра Крылова за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности смерть пациента, вскоре будет направлено в суд.

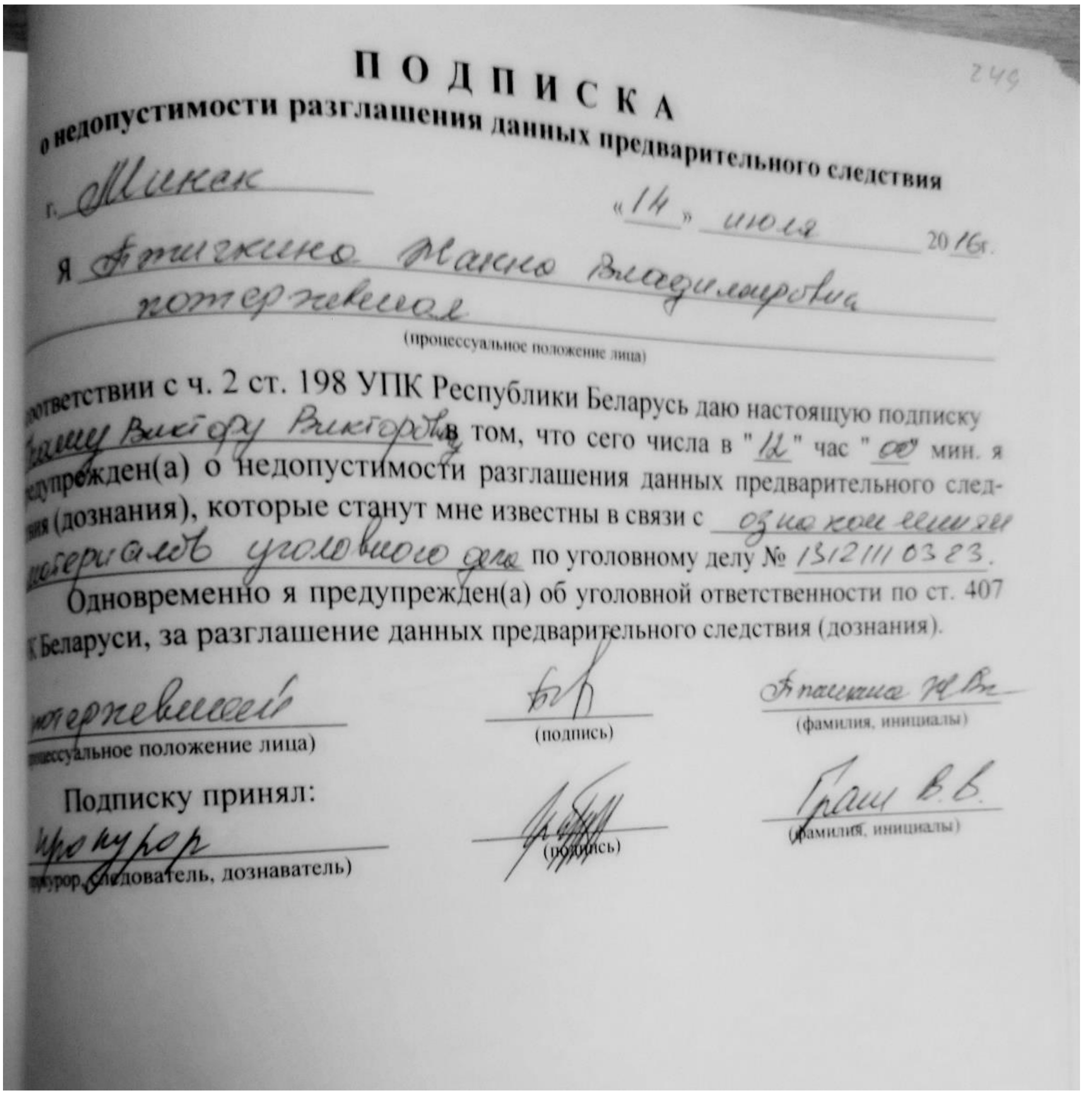
Юрист Правозащитного центра "Вясна" Павел Сапелко комментируя решение Генеральной прокуратуры, отметил важность расследования фактов жестокого обращения с заключенными:

"Это очень важное решение Генеральной прокуратуры, которое свидетельствует о том, что жестокому обращению с заключенными может быть дана надлежащая оценка. К сожалению, законодательство не предусматривает напрямую ответственности за жестокое обращение, тем не менее, поведение сотрудника СИЗО не останется безнаказанным. На основании части 2 статьи 162

УК ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшее по неосторожности смерть пациента наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

До тех пор, пока суд не вынесет приговор, я, конечно, воздержусь от оценок качества расследования, которое проводилось до сих пор Следственным комитетом, который не установил в действиях сотрудников состава преступления. Только огласка, которую получил этот случай, и сопровождение дела правозащитниками, позволили добиться соответствующего расследования».

Кстати, и следователь прокуратуры также запретил потерпевшей разглашать данные расследования:

ПОДПИСКА

о недопустимости разглашения данных предварительного следствия

г. Минск «14» июля 2016г.

Я Птичкина Жанна Владимировна потерпевшая

(процессуальное положение лица)

…ответствии с ч. 2 ст. 198 УПК Республики Беларусь даю настоящую подписку Грашу Виктору Викторовичу в том, что сего числа в "12" час "00" мин. я …дупрежден(а) о недопустимости разглашения данных предварительного след…ия (дознания), которые станут мне известны в связи с ознакомлением материалов уголовного дела по уголовному делу № 13121110323.

Одновременно я предупрежден(а) об уголовной ответственности по ст. 407 …К Беларуси, за разглашение данных предварительного следствия (дознания).

потерпевшей (процессуальное положение лица) — (подпись) — Птичкина Ж.В. (фамилия, инициалы)

Подписку принял:

прокурор (…курор, следователь, дознаватель) — (подпись) — Граш В.В. (фамилия, инициалы)

10 августа 2016 года стало известно, что мать погибшего в Минском СИЗО №1 Игоря Птичкина получила постановление об отказе в возбуждении другого уголовного дела: по факту нанесения сыну телесных повреждений, которые предшествовали смерти сына. Имелись в виду те повреждения, которые по заключению экспертов не состояли в причинной связи с оказанием медпомощи и привязыванием погибшего к кровати.

Проверку проводил старший участковый инспектор УВД Московского района Минска Д. Кротов, который установил, что получение Игорем Птичкина многочисленных телесных повреждений не находится в причинной связи с наступлением смерти Птичкина: «Установить происхождение

телесных повреждений как в ходе расследования уголовного дела, так и при проведении проверки по выделенным материалам, не представляется возможным».

Проверка также обнаружила, что нанесение Птичкину телесных повреждений не связанное с действием фельдшера медицинской части СИЗО №1 А. Крылова: он лишь «оказывал психиатрическую помощь», зафиксировав Птичкина ремнями. Однако не все повреждения на его теле образовались от ремней. Природа некоторых синяков и кровоподтёки – иного происхождения.

Жанна Птичкина с помощью юристов Правозащитного центра "Вясна" обратилась с жалобой к прокурору Московского района Минска, в которой просит отменить постановление, поскольку считает его совершенно необоснованным.

О формальном характере проведенной проверки, по мнению Жанны Птичкиной, свидетельствует поверхностный анализ различных групп телесных повреждений, обнаруженных на теле сына, так как известно, что некоторые из них имеют неустановленное происхождение, т.е. не от фиксации Игоря ремнями.

Поскольку доступ к Птичкину в санчасти СИЗО имели, в основном, должностные лица органов внутренних дел, поэтому не исключено совершение должностного преступления с их стороны в отношении Птичкина, проявившееся в злоупотреблении властью, превышении власти, бездействии власти. Такие обстоятельства не стали предметом проверки и оценки со стороны должностного лица, вынесшего постановление.

5 сентября 2016 года появилась информация о том, что прокуратура Московского района Минска отменила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту нанесения Игорю Птичкину телесных повреждений в СИЗО №1. Об этом стало известно из ответа на жалобу матери Жанны Птичкиной, который она получила несколько дней назад.

Тем временем, рассмотрение дела по обвинению сотрудника МВД А. Крылова состоялось в суде Московского района г. Минска.

Во время судебного процесса прокурор потребовал для обвиняемого 3 года лишения свободы в колонии-поселении. Согласно с обвинением, в 12.20 часов 3 августа 2013 года Игорь Птичкин был привязан к кровати в камере медчасти СИЗО-1 по распоряжению дежурного фельдшера Александра Крылова якобы из-за того, что у пациента был синдром отмены употребления наркотических средств и он вел себя буйно. В 8.05 часов утра 4 августа Игорь Птичкин был найден мертвым. Пребывание длительное время привязанным к кровати без необходимой медицинской помощи вызвало у Игоря Птичкина болезненные процессы, способствовало истощению, уменьшению водно-солевого баланса, ухудшению общего состояния здоровья, появлению острой сердечной недостаточности и как следствие – прекращению работы сердца. В свою очередь фельдшер не оказал должной и срочной помощи, чем совершил преступление, предусмотренное частью 2 статьи 162 Уголовного кодекса.

14 октября 2016 года на сайте TUT.BY был помещен репортаж с суда над фельдшером СИЗО №1, которого обвиняют в неоказании помощи арестованному под названием «Прокурор попросил для фельдшера, которого судят по делу умершего в СИЗО, три года колонии». В публикации было приведено и выражение адвоката обвиняемого Михайлова, который заявил, что якобы обвинительный приговор может принести вред не только фельдшеру Крылову.

«Этим мы позволим врагам нашим, врагам нашей страны, причинить вред нашему государству! Правозащитники, которые у нас в стране (в том числе с их помощью общественность узнала о смерти Птичкина, – прим. TUT.BY) находятся на финансировании ЦРУ!..», – сказал адвокат.

Прокурор Вадим Кисель выразил мнение, что это прямое воздействие на суд. Также были возмущены и родные погибшего Птичкина.

Правозащитник Павел Сапелко считает, что приведенное информационным ресурсом высказывание адвоката, «посягает на личные неимущественные права широкого круга представителей правозащитного движения в Беларуси, чья деятельность, в свою очередь, не является зависимой от каких-либо иностранных организаций и спецслужб, направленная на защиту прав человека и основных свобод, включая доступ к информации о том, каким образом обеспечиваются эти права и свободы во внутреннем законодательстве, в судебной или административной системах». Юрист считает реплику адвоката неправильной и поспешной:

«С моей точки зрения, приведенное высказывание адвоката поспешное, основанное на неточной информации, неправильное по существу; в силу этого оно создает неправильное представление об уровне компетентности и правовой культуры адвокатуры в целом. Полагаю, что негативно окрашенный контекст выражения, как и форма подачи своего представления об отношениях, сложившихся в белорусском обществе, не оставляют сомнения в намерениях адвоката опорочить в глазах суда и присутствующих в зале судебного заседания целый общественный институт. В какой-то мере такое поведение адвоката может быть оправданным только искренними, хотя и неверными представлениями адвоката об интересах подзащитного».

Суд Московского района Минска 21 октября вынес приговор: офицер МВД, фельдшер медчасти СИЗО №1 Александр Крылов признан виновным в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, повлекшем по неосторожности смерть пациента (ч. 2 ст. 162 Уголовного кодекса), и приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях поселения.

Также Александр Крылов лишен права занимать должности в учреждениях системы здравоохранения и уголовно-исполнительной системы РБ, связанные с исполнением обязанностей медицинского персонала, сроком на 5 лет.

Дело вела судья Светлана Бондаренко. Потерпевшей выступала мать погибшего Жанна Птичкина и его сестра – Ирина Птичкина. Государственный обвинитель – Вадим Кисель.

Александр Крылов свою вину в смерти Игоря Птичкина не признал.

Игорь Птичкин. Фото из семейного архива Жанны Птичкиной.

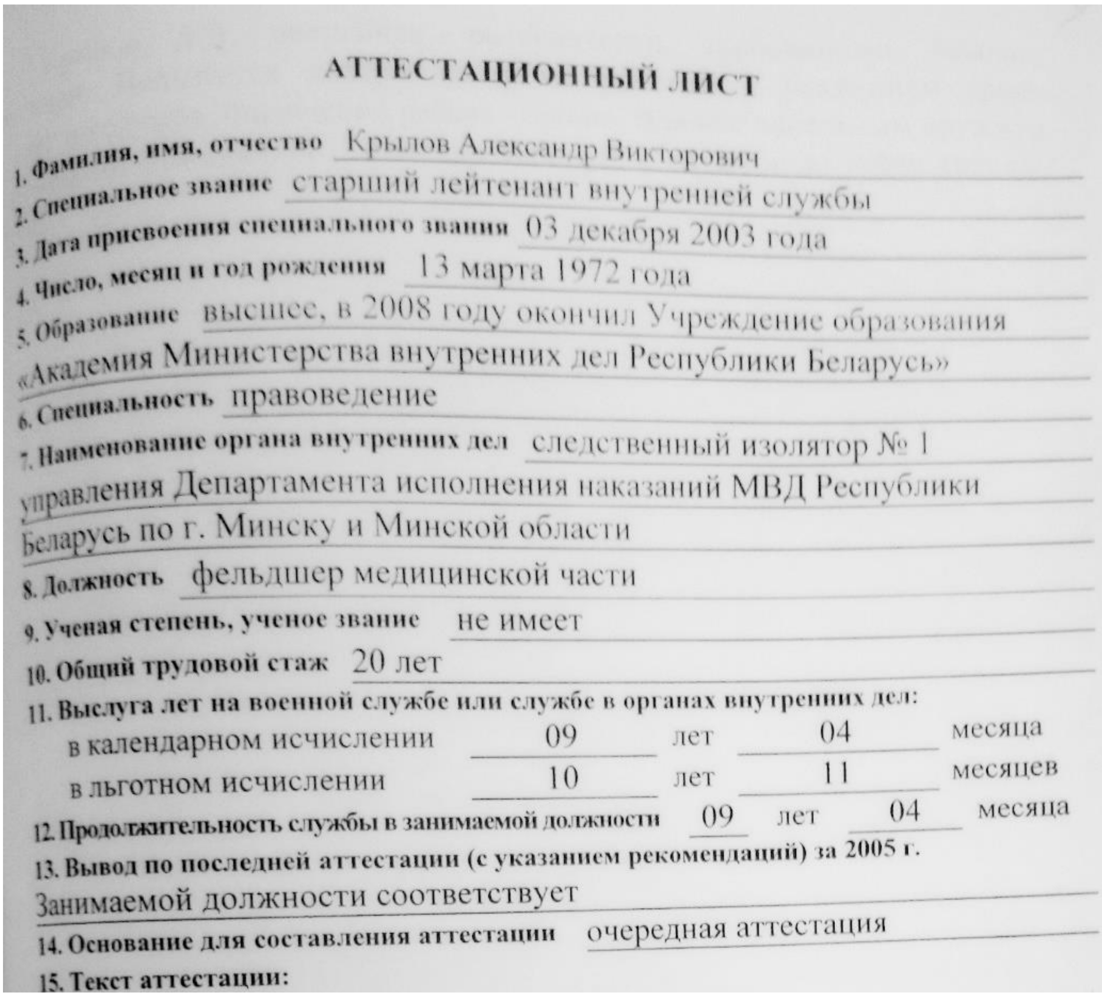
Павел Сапелко: Дело Птичкина. Дело Крылова

Вступил в законную силу приговор по «делу Игоря Птичкина», которое за три года стало «делом фельдшера Крылова». Правозащитники, которые, по версии защитника Крылова – адвоката В. Михайлова, «у нас в стране находятся на финансировании ЦРУ», вместе с семьей погибшего добились почти невозможного.

Дело, безусловно, затянулось, и в «Вясну» родные Птичкина попали тогда, когда Следственный комитет разразился пресс-релизом о естественных причинах смерти заключенного и его якобы доказанной противоправной деятельности, а обезглавленная правозащитная организация «Платформа» по сути отказала в помощи родным «наркомана»: Андрей Бондаренко, сделавший неоценимо много для того, чтобы о гибели Птичкина узнали не только у нас в стране, к тому времени уже был арестован.

Пока в суде рассматривали дело Крылова, правозащитники «Вясны» старались воздержаться от любого рода комментариев. Нелегкая задача – раскрутить маховики следствия и правосудия, – была решена. Один факт того, что смерть в СИЗО расследована, а дело направлено в суд, вселял надежду на изменение отношения к людям за решеткой. Далее действовал принцип презумпции невиновности, который правозащитники, в отличие от государства и его органов, привыкли уважать.

Мы только поправляли иногда тех, кто называл это дело «делом фельдшера Крылова»: Крылов, в первую очередь, офицер МВД (на момент совершения преступления – старший лейтенант; с 2015 года – капитан внутренней службы). И преследование Крылова, по мнению «Вясны», должно было стать преследованием офицера МВД за жестокое обращение с заключенным.

АТТЕСТАЦИОННЫЙ ЛИСТ

1. **Фамилия, имя, отчество** Крылов Александр Викторович
2. **Специальное звание** старший лейтенант внутренней службы
3. **Дата присвоения специального звания** 03 декабря 2003 года
4. **Число, месяц и год рождения** 13 марта 1972 года
5. **Образование** высшее, в 2008 году окончил Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
6. **Специальность** правоведение
7. **Наименование органа внутренних дел** следственный изолятор № 1 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области
8. **Должность** фельдшер медицинской части
9. **Ученая степень, ученое звание** не имеет
10. **Общий трудовой стаж** 20 лет
11. **Выслуга лет на военной службе или службе в органах внутренних дел:**
    в календарном исчислении 09 лет 04 месяца
    в льготном исчислении 10 лет 11 месяцев
12. **Продолжительность службы в занимаемой должности** 09 лет 04 месяца
13. **Вывод по последней аттестации (с указанием рекомендаций) за 2005 г.** Занимаемой должности соответствует
14. **Основание для составления аттестации** очередная аттестация
15. **Текст аттестации:**

Приговор вступил в силу; проблем нет? Есть. И эти проблемы приговором только подчеркнуты и вскрыты. Будут ли сделаны выводы?

Жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство обращение

В следственных изоляторах, как и во всей пенитенциарной системе, не создано удовлетворительного уровня медицинского обследования поступающих заключенных, диагностики их состояния и лечения выявленных заболеваний.

Заключенные бессильны перед жестоким обращением; нет механизмов предупреждения пыток и приравненного к ним жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения. Нет национального механизма противодействия пыткам, который, будучи независимым органом, смог бы пресечь любые факты запрещенного обращения и создать безопасные условия нахождения заключенного и его свободу от давления со стороны администрации тюрьмы на период расследования жалобы. Нет механизмов, подобных институту омбудсмена, сотрудники которого вправе беспрепятственно и без предупреждения посещать места лишения свободы.

Объективное расследование

Расследование дела проводилось вплоть до конца весны 2016 года Следственным комитетом, который по замыслу законодателя должен был независимым органом уголовного преследования сотрудников МВД. Независимый орган не сработал, и показал свою полную беспомощность, ангажированность и неспособность активно выстраивать схему расследования, которая бы учитывала особенности условий пенитенциарных учреждений. При этом следствие велось медленно, не раз уходило в сторону от проблемы жестокого обращения с погибшим.

Генеральная прокуратура, которая довела это дело до суда, также не блистала яркими процессуальными решениями: за весь период расследования от исполнения обязанностей не было отстранено ни одно должностное лицо. Сохраняли свои возможности влиять на свидетелей все руководители СИЗО и ДИН, продолжал свою службу в медчасти и офицер Крылов.

Тот факт, что прижизненно Птичкин был как минимум трижды избит в СИЗО, причем одна группа телесных повреждений, не связанных с оказанием медицинской помощи, была причинена ему в период, когда он связанным лежал на кушетке медчасти, прокуратуру не заинтересовал, и по этому факту уже было несколько попыток похоронить проблему на уровне участкового инспектора МВД.

Можно с полной уверенностью заявить, что каких-либо беспристрастных надежных механизмов расследования пыток и жестокого, бесчеловечного обращения в Беларуси не создано. Прокуратура и Следственный комитет такими органами, к сожалению, не являются.

Гематомы на теле Игоря Птичкина.

Процессуальные права потерпевших

Потерпевшей – матери погибшего Жанне Птичкиной под угрозой уголовного наказания было запрещено разглашать материалы следствия; это ограничение сохранилось вплоть до рассмотрения дела судом, когда выяснилось, что никаких сведений, которые обоснованно могли бы охраняться законом от разглашения, в материалах дела не было. Одновременно пресс-служба Следственного комитета, не стесняясь, порочила память сомнительно доказанными и тенденциозно поданными сведениями.

Таким образом, нет механизма защиты прав потерпевших, в том числе – родственников лиц, погибших в результате жестокого обращения.

Сложно представить, как бы сложилась судьба расследования, не окажись рядом с семьей Птичкиных организаций, которые хоть и «находятся на финансировании ЦРУ», но защищают и отстаивают права граждан нашей страны.

Уголовный закон

В Уголовном кодексе Республики Беларусь закреплено 344 деяния, которые влекут уголовную ответственность. Но белорусский закон не наказывает за жестокое, бесчеловечное, унижающее обращение, как это предусмотрено *Конвенцией против пыток.* Поэтому из всего многообразия составов уголовных преступлений был выбран тот, который наказывает за неосторожное преступление медицинского работника. То есть, Крылов наказан не за то, что в качестве офицера МВД, имея соответствующие полномочия по службе, сознательно организовал жестокое, бесчеловечное и унижающее обращение в последние в жизни Игоря Птичкина сутки, а за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своего врачебного долга.

Проданный Крылов

Да, именно так. Система бросила Крылова, отдала его, предала его, игравшего строго по правилам этой системы, рассчитывая, очевидно, на соответствующую защиту системы. Откупилась им от общественного мнения. Откупилась его сломанной судьбой от потерпевших. И, полагаю, не только. Думаю, что «фельдшером Крыловым» государство будет откупаться и от претензий международных организаций – ООН и его органов; случай с Крыловым будет ярко подаваться, как образец бескомпромиссной борьбы государства с жестоким обращением в тюрьмах. Наспех освоив популярную в наднациональных кругах риторику про «нулевую толерантность» к случаям жестокого обращения, можно украшать любой отчет и доклад упоминанием об осуждении Крылова.

Александр Крылов, фельдшер медчасти Минского СИЗО № 1. Фото Сергея Балая.

Только это все будет вместо реальных шагов по исключению пыток и жестокого обращения и создания механизма противодействия пыткам и жестокому обращению. Хотя, как знать.

Если власти захочется усилить свою позицию по описанному вопросу, напомню, что правозащитники «Вясны» сопровождают еще не расследованные надлежащим образом дела по факту гибели в Жодинской тюрьме Олега Богданова и Игоря Барбашинского, избитого и оскорбленного милиционерами Александра Харуты, беспричинно избитых при задержании спецподразделениями МВД Дмитрия Середы и Александра Гуреева, а также несовершеннолетнего юноши, подвергнутого насилию в СИЗО г. Гомеля. И этот перечень можно продолжать. Дело о

гибели Александра Акулича в ИВС Светлогорска так и осталось без должной правовой оценки; сообщение о нем направлено в Комитет по правам человека ООН.

Кстати, в начале 2017 года Жанна Птичкина, мать погибшего в СИЗО №1 Минска Игоря Птичкина, подготовила с помощью правозащитников «Вясны» иск в суд Заводского района г. Минска на возмещение материального и морального вреда.

Ответчиком заявлено Министерство финансов, третьим лицом выступает фельдшер СИЗО Александр Крылов, который был признан виновным в смерти Игоря Птичкина и осужден на три года лишения свободы.

Мать погибшего посчитала, что материальный ущерб связан с расходами на похороны Игоря Птичкина и составляет 6165,45 белорусских рублей с учетом инфляции. В эту сумму включается стоимость гроба, места на кладбище, изготовление и установка памятника с оградой, а также помощь специалиста в области судебной медицины, который делал отдельное заключение по причине смерти погибшего.

Моральный вред, который был причинен ей смертью сына, Жанна Птичкина оценивает в 100 000 белорусских рублей.

«Я держала руки на его измученном теле, которому не дали покоя ни в последние часы жизни, ни после смерти. Я отдала отбывать арест в тюрьму – под опеку этого государственного учреждения – своего полного жизни сына, которого мне должны были вернуть наказанным и исправившимся, но при этом живым и здоровым. Вернули истерзанное, избитое, порезанное тело.

Мне понадобилось пройти трехлетний путь в поисках правды о причинах гибели сына. Узнать, что его снова доставали из могилы; прочитать грязь, которую лили на него люди в погонах; изучая материалы уголовного дела, принимая участие в заседаниях суда, снова и снова я была вынуждена мысленно пройти вместе с сыном по мрачным камерам СИЗО, услышать крики охранников, выдержать побои; лежать с ним, умирая, в нечеловеческих муках без помощи медиков», – отмечает женщина.

Как долго будет страдать от потери сына и как привыкнуть к мысли, что его больше нет, Жанна Птичкина не знает.

«Лучше бы сына мне вернули, а не деньги. Но раз сына не могут вернуть, то пусть хоть деньгами возместят мои страдания, чтобы была на кладбище возможность ездить и за могилой ухаживать», – говорит мать Игоря Птичкина.

Аналогичный иск о компенсации морального вреда подготовила и сестра погибшего Ирина Птичкина.

Также в начале 2017 года Жанна Птичкина, обратилась к председателю Минского городского суда с надзорной жалобой, в которой просит пересмотреть приговор для фельдшера СИЗО Александра Крылова, признанного виновным в смерти арестанта, поскольку считает приговор слишком мягким.

21 октября суд Московского района приговорил фельдшера Александра Крылова к трем годам лишения свободы, а также лишил права занимать должности в медицинских учреждениях и в учреждениях уголовно-исполнительной системы, связанные с исполнением обязанностей среднего медицинского персонала сроком на пять лет. Однако в апелляционном порядке судебной коллегией по уголовным делам Минского городского суда приговор был изменен и наказание фельдшеру уменьшено до двух лет и десяти месяцев.

Жанна Птичкина не согласна с таким решением и считает приговор слишком мягким. Она обращает внимание суда на тот факт, что ст. 64 Уголовного кодекса содержит обстоятельства, отягчающие ответственность, среди которых и совершение преступления в отношении заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии. Однако, суд не принял это во внимание должным образом.

«В отсутствие беспомощного состояния Игорь мог бы предпринять какие-нибудь дополнительные меры самосохранения: обратиться к вышестоящему руководству СИЗО, оказать правомерное сопротивление произвольному применению ограничивающих мер, добиваться вызова скорой медицинской помощи», – пишет в жалобе мать погибшего в СИЗО.

Кроме того, Жанна Птичкина считает, что отягощающими вину Александра Крылова обстоятельствами явились и совершение преступления с особой жестокостью или издевательствами, а также совершение преступления в отношении лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от виновного.

Так, особенная жестокость проявилась в форме совершение тех действий, в которых, по мнению осужденного фельдшера, заключалось оказание медицинской помощи погибшему Игорю Птичкину: оставление без воды и продуктов питания, а также в обездвиживании болезненными методами на длительный срок.

Однако, суд не придал должной оценки тем методам, которыми Александр Крылов лечил погибшего, и таким образом приравнял совершение неосторожного преступления, которое заведомо для осужденного сопровождалось страданиями и физической болью, к простой медицинской ошибке, когда наказанию подлежат только непрофессиональные действия как те, что повлекли тяжелые последствия.

«Это означает, что запрещенное принятыми на себя международными обязательствами Беларуси, в том числе Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Международным пактом о гражданских и политических правах, жестокое, бесчеловечное, унижающее обращение с моим заключенным сыном осталось безнаказанным», – подчеркивает Жанна Птичкина.

Между тем, суд установил, что фельдшер нарушил присягу рядового и начальствующего состава МВД, и учел это как отягчающее вину обстоятельство. Мать погибшего считает, что при таких обстоятельствах необходимо было применить дополнительное наказание – лишение специального звания.

Жанна Птичкина просит Минский городской суд принести протест на приговор суда Московского района г. Минска от 21 октября 2016 года на предмет несоответствия назначенного наказания тяжести преступления и личности обвиняемого по причине мягкости и на апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Минского городского суда от 25 ноября 2016 года в части изменения приговора суда и сокращение срока наказания, а также направить уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Жанна Птичкина возобновила обжалование отказа в возбуждении уголовного дела по факту причинения телесных повреждений Игорю Птичкину до его помещения в медчасть либо в медчасти, но не в связи с оказанием медицинской помощи: она повторно обратилась в прокуратуру Московского района с жалобой. Мать погибшего считает, что постановление было вынесено преждевременно, является необоснованным и подлежит отмене, в связи с тем, что телесные повреждения, обнаруженные на теле Игоря Птичкина, не стали предметом проверки и оценки со стороны должностного лица, вынесшего постановление.

Так, только одна группа телесных повреждений имеет установленное происхождение, которые образовались в результате применения ремней для фиксации арестанта к кровати в санчасти СИЗО вместо оказания ему надлежащей медицинской помощи.

Но кровоподтек на задней поверхности левого предплечья, кровоподтеки и ссадины в области левой подвздошной кости, ссадины на передней поверхности правой голени, которые возникли не более, чем за 20 часов до наступления смерти, имеют неустановленное происхождение. Также, как и группа телесных повреждений в виде кровоподтеков на разных частях тела, которые образовались в срок за 7-10 суток до наступления смерти Игоря Птичкина.

Жанна Птичкина не исключает, что телесные повреждения появились в следствии должностного преступления сотрудниками органов внутренних дел в отношении ее сына, которое выразилось в злоупотреблении властью, превышении власти, бездействии власти.

Однако, о правомерном применении физической силы, результатом которой могли стать указанные повреждения, никто из должностных лиц СИЗО не заявлял. А проверка, проводимая старшим участковым инспектором милиции УВД администрации Московского района г. Минска Кротовым Д.Л., касалась исключительно признаков совершения в отношении Птичкина преступления против здоровья.

«Возможность совершения должностного преступления в отношении Птичкина И.А. лицом, производившим проверку, не опровергнута. Поэтому по факту совершения должностного преступления, сопряженного с причинением физического вреда Птичкину И.А., должно быть возбуждено уголовное дело», – пишет мать погибшего и просит отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и провести дополнительную прокурорскую проверку.

В результате в феврале 2017 года прокуратура Московского района Минска инициировала дополнительную проверку по факту причинения телесных повреждений Игорю Птичкину в СИЗО №1: Жанна Птичкина получила ответ на свою повторную жалобу в Прокуратуру Московского района Минска. Женщина просила пересмотреть постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту причинения телесных повреждений в период пребывания в СИЗО-1 г. Минска ее сыну, который вскоре умер в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Из ответа следует, что постановление старшего участкового инспектора Московского РУВД Д. Кротова отменено 2 февраля прокуратурой Московского района Минска, а материалы направлены начальнику УВД администрации Московского района для организации дополнительной проверки.

«В ходе проверки не были приняты надлежащие меры по полному и всестороннему исследованию обстоятельств смерти, вследствие чего постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено преждевременно» – сообщает Жанне Птичкиной заместитель прокурора Московского района И. Жибуль.

СВИДАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

«Я не думаю, что кратковременные свидания в течение двух часов как-то существенно повлияют на ограничение прав и свобод находящихся под стражей. Тем более вы знаете: у нас идет либерализация возможностей, которые они имеют. Речь о посылках, передачах, весе посылок. Мы подходим к этому вопросу комплексно. Но два часа или три часа… Может быть, для кого-то это существенно, да. Ну, наверное, не принципиально для нас с вами», – заявил весной 2015 года министр внутренних дел Беларуси И. Шуневич.

Правозащитники уже задавались вопросом: принципиально ли это для министра? Безусловно, нет. Как не принципиальны, с той же точки зрения, многочисленные нарушения прав заключенных на законодательном и правоприменительном уровне. Заключенные следственных изоляторов, которые еще даже не объявлены преступниками, не вправе голосовать на выборах; в колониях дискриминируются трудовые права осужденных; регулярно поступают сообщения о фактах жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения с заключенными, применяется смертная казнь, – на этом фоне два или три часа свидания – это действительно не принципиально для «нас с вами», тем более, если два или три часа – это только максимальное время свидания. А кто спросил заключенных и их родных, которые, зачастую, едут в колонию издалека: принципиален ли для них лишний час наедине, хоть и под присмотром охраны? Для многих осужденных такие свидания остались последней нитью, связывающей их с семьей.

Правозащитники подчеркивали, что свидание – не только право осужденного, но еще и право его родных на контакты с близким человеком; тюремные правила в Беларуси в части предоставления свиданий и так чрезмерно жестоки по сравнению со странами-соседями.

И вот 20 января 2017 года вступили в силу изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь. Ими поставлена точка, в частности, в вопросе определения длительности краткосрочных свиданий, которые предоставляются осужденным к лишению свободы в исправительных учреждениях.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь, осужденным к лишению свободы предоставлялись краткосрочные свидания продолжительностью до четырех часов; такая формулировка заранее обрекала заключенных на полную зависимость в решении вопроса о длительности свиданий от усмотрения администрации мест лишения свободы. Каких-либо критериев, по которым представитель администрации мог устанавливать продолжительность свидания, не существовало.

Удивительно, но законодатель не прислушался к мнению министра внутренних дел.

В результате предусмотрено, что краткосрочное свидание будет длиться четыре часа. Таким образом, произвольное сокращение свидания уже не будет основываться на законе.

Это решение важно с точки зрения соблюдения Беларусью *Минимальных стандартных правил обращения с заключенными*, которые предусмотрели, что заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещений; особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон; с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому ему следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны

защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения.

Однако, на этом послабления для заключенных исправительных колоний и тюрем исчерпаны. По-прежнему, администрация исправительного учреждения вправе лишить осужденного свидания в виде дисциплинарного взыскания. Новой является идея законодателя лишать возможности краткосрочного свидания осужденных на период нахождения в штрафных изоляторах (ранее это препятствовало только длительным свиданиям).

Заключенные воспитательной колонии (там содержатся несовершеннолетние заключенные и некоторое количество заключенных, ставших совершеннолетними в период отбытия наказания в этой колонии) наконец получили право на длительные свидания с близкими родственниками: таких свиданий может быть предоставлено до четырех в год; им также увеличено до восьми в год количество краткосрочных свиданий.

Без разрешения остались пока проблемы предоставления свиданий заключенным с лицами, не состоящими с ними в отношениях супружества или родства. Такая возможность при организации должного контроля со стороны администрации мест лишения свободы могла бы способствовать сохранению социальных связей осужденных.

Кроме того, не разрешен вопрос о создании условий для поддержания супружеских, родительских и других социальных связей тех, кто находится в следственных изоляторах в ожидании суда.

Рекомендации:

- **исключить из законодательства такой вид дисциплинарных взысканий, как лишение свиданий заключенных;**
- **установить новые правила свиданий заключенных СИЗО до суда при надлежащем контроле, исключив возможность необоснованного ограничения такого права;**
- **установить возможность свиданий заключенных с лицами, не являющимися близкими родственниками и супругами.**

ТРУДОВЫЕ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Общие сведения

В структуре департамента исполнений наказаний осуществляют хозяйственную деятельность 12 унитарных предприятий на базе исправительных колоний (Республиканское производственное унитарное предприятие «№ 4», Республиканское производственное унитарное предприятие «ИК 8 – Поиск», Республиканское производственное унитарное предприятие «Семнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительная колония № 2 г. Бобруйска», Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительное учреждение № 5», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 9», Республиканское унитарное производственное предприятие «Одиннадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 12 – ВАЛ», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 13 – Березвечье», Республиканское унитарное производственное предприятие «Четырнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Пятнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 20»), два предприятия на базе ЛТП (Республиканское производственное унитарное предприятие «ЛТП-1», Республиканское производственное унитарное предприятие «Единица»)[3]. Кроме того, хозяйственную деятельность от собственного имени осуществляют остальные семь ЛТП.

Фото с сайта mvd.gov.by.

97,8% содержащихся в колониях, СИЗО и тюрьмах - трудоспособного возраста. Информация о том, скольким из них установлена инвалидность, отсутствует. Из всего количества лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, к оплачиваемым работам

[3] Указ Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 (последнее изменение - в августе 2015 года)

привлекается 69,1% заключенных[4]: в 2010 году 60%, в 2011 году 58,2%, в 2012 году 63,2%, в 2013 году 69,6% заключенных.

Таким образом, большая часть заключенных вовлечена в трудовые отношения. Однако такие данные противоречат утверждениям Департамента исполнения наказаний о практически всеобщем вовлечении заключенных в оплачиваемый труд.

Уголовно-исполнительное законодательство о труде

В соответствии с требованиями Уголовно-исполнительного кодекса, (ст. 98), каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительного учреждения обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности. Осужденные привлекаются к труду на предприятиях или в производственных мастерских исправительных учреждений, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. При привлечении осужденных к труду трудовой договор (контракт) с ними не заключается. Труд осужденных к аресту организуется в порядке и на условиях, установленных в отношении осужденных к наказанию в виде лишения свободы. На осужденных к пожизненному заключению распространяются условия отбывания наказания, установленные для осужденных к лишению свободы, с учетом особенностей отбывания пожизненного заключения.

Отказ от работы или самовольное прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и влекут применение мер взыскания.

Условия и оплата труда осужденных к лишению свободы определены нормами УИК: продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, требования по охране труда устанавливаются в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде и об охране труда. Время начала и окончания работы определяется графиком, устанавливаемым администрацией исправительного учреждения.

Время выполнения осужденными оплачиваемых работ засчитывается в трудовой стаж в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Учет отработанного времени возлагается на администрацию исправительного учреждения и производится по итогам календарного года.

Осужденные, отработавшие не менее одиннадцати месяцев в календарном году, имеют право на трудовой отпуск продолжительностью восемнадцать календарных дней – для отбывающих лишение свободы в воспитательных колониях, двенадцать календарных дней – для осужденных, отбывающих лишение свободы в иных исправительных учреждениях. Осужденные, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, имеют право на трудовой отпуск продолжительностью семь календарных дней.

Осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Что это означает на практике?

Установлено, что размер оплаты труда осужденных к лишению свободы, отработавших месячную норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму выработки, не может быть ниже установленного законодательством Республики Беларусь размера оплаты труда

[4] Правонарушения в Республике Беларусь. Статистический сборник. Минск. 2015

за выполнение соответствующих работ. Такая формулировка в совокупности с нормой о том, что оплата труда осужденных при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному ими времени или в зависимости от выработки позволяет оплачивать заключенным их труд в размере ниже установленной минимальной заработной платы.

Граждане, находящиеся в лечебно-трудовых профилакториях, с учетом их возраста, трудоспособности, состояния здоровья, специальности и квалификации трудоустраиваются в лечебно-трудовых профилакториях, на республиканских унитарных производственных предприятиях, подчиненных Департаменту исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, и в иных организациях, расположенных по месту нахождения лечебно-трудовых профилакториев, в соответствии с Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев и другими актами законодательства Республики Беларусь.

Отказ граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, от трудоустройства или самовольное прекращение работы влекут применение к ним мер взыскания в соответствии с Законом Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» (далее – Закон об ЛТП).

Оплата труда граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, осуществляется в соответствии с актами законодательства Республики Беларусь.

Заработная плата граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, перечисляется на их лицевые счета.

Гражданам, находящимся в лечебно-трудовых профилакториях, предоставляются трудовые и социальные отпуска в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь.

Как и осужденные к аресту и лишению свободы, заключенные в ЛТП трудовой договор не заключают.

По мнению правозащитников, основанном на сравнительном анализе норм трудового и уголовно-исполнительного права, трудовые права заключенных (включая заключенных ЛТП) необоснованно, произвольно выхолощены по сравнению с правами, предусмотренными Трудовым кодексом для трудящихся на свободе. Это незаконно: трудовые права осужденных равнозначны трудовым правам других граждан, за исключением прав, вытекающих из того факта, что осужденные в силу закона обязаны трудиться, а для остальных граждан труд – это право. В соответствии со статьей 23 Конституции, ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Из положений части первой статьи 23 вытекает принцип пропорциональности ограничения прав и свобод личности, отвечающий требованиям правового государства, социальной справедливости, их социальной, правовой и иной защищенности (часть 1 статьи 8 УИК Республики Беларусь).

Ни принципы, ни цели уголовной ответственности не допускают дискриминацию осужденных, несправедливое и необоснованное ограничение их трудовых прав.

Эти ограничения не диктуются интересами национальной безопасности, общественного порядка, защитой нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (правомерные цели ограничений по статье 23 Конституции), не является соразмерным и необходимым для достижения целей уголовной ответственности и приводят к дискриминации осужденных в сравнении с остальными гражданами.

Оплата труда заключенных

В соответствии со статьей 59 Трудового кодекса, минимальная заработная плата (месячная и почасовая) – государственный минимальный социальный стандарт в области оплаты труда, который наниматель обязан применять в качестве низшей границы оплаты труда работников за работу в нормальных условиях в течение нормальной продолжительности рабочего времени при выполнении обязанностей работника, вытекающих из законодательства, локальных нормативных правовых актов и трудового договора. Такая норма должна, безусловно, применяться и к заключенным. Однако уголовно-исполнительное законодательство допускает случаи, когда заключенному, занятому трудом полную продолжительность рабочего времени, может начисляться заработная плата в размере меньшем, чем установленный для обычных работников.

Право на отдых

Законом установлены неравные условия предоставления и продолжительности трудового отпуска для заключенных и обычных работников. У тех и других трудовой отпуск предназначен для отдыха и восстановления работоспособности, укрепления здоровья и иных личных потребностей работника и порядок и условия его предоставления не могут существенно различаться.

Безусловно несправедливой является норма, которая позволяет не учитывать для назначения отпуска осужденному, который отработал менее одиннадцати месяцев в календарном году, это время работы и отпуск за фактически отработанное время в таком случае ему не предоставлять вообще. Как правило, это означает, что в год поступления в исправительное учреждение и в год освобождения из него заключенный отпуск не получает, равно как не получает компенсации за него, поскольку не отрабатывает установленный минимум (11 месяцев), тогда как у обычных работников рабочий год, за который предоставляется трудовой отпуск, – промежуток времени, равный по продолжительности календарному году, но исчисляемый для каждого работника со дня приема на работу. Трудовые отпуска (основной и дополнительный) за первый рабочий год предоставляются не ранее чем через шесть месяцев работы у нанимателя, за исключением некоторых случаев (статья 166 Трудового кодекса). Таким образом, все отработанное время граждан, работающих по трудовому договору, учитывается для целей предоставления и без того сокращенного отпуска.

Кроме того, норма части 4 статьи 99 УИК необоснованно и несоразмерно ограничивает для осужденных право трудящегося на отдых, гарантированное частью 1 статьи 43 Конституции.

Дополнительные отпуска, социальные отпуска (по уходу за детьми, в связи с получением образования, по уважительным причинам личного и семейного характера) заключенным законодательно не установлены. Предусмотренные Трудовым кодексом кратковременный отпуск без сохранения заработной платы по семейно-бытовым причинам, для работы над диссертацией, написания учебников и по другим уважительным причинам, предоставляемый по договоренности между работником и нанимателем, также не предусмотрены для заключенных.

Охрана труда

Право осужденных на безопасные условия труда – это то из немногочисленных прав заключенных, что законодательно уравнивает их с обычными работниками. Однако это то право, которое повсеместно и грубо нарушается.

Право работника на охрану труда подразумевает широкий круг прав работника и гарантий их реализации. Каждый работник, в том числе заключенный, имеет право на:

1) рабочее место, соответствующее требованиям по охране труда;

2) обучение безопасным методам и приемам труда, проведение инструктажа по охране труда;

3) обеспечение необходимыми средствами индивидуальной защиты, средствами коллективной защиты, санитарно-бытовыми помещениями, оснащенными необходимыми устройствами и средствами;

4) получение от нанимателя достоверной информации о состоянии условий и охраны труда на рабочем месте, а также о средствах защиты от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов;

5) личное участие или участие через своего представителя в рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением безопасных условий труда, проведении органами, уполномоченными на осуществление контроля (надзора), в установленном порядке проверок соблюдения законодательства об охране труда на его рабочем месте, расследовании произошедшего с ним несчастного случая на производстве и (или) его профессионального заболевания;

6) отказ от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих до устранения этой опасности, а также при непредоставлении ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда.

По общему правилу, при отказе работника от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих; непредоставления ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда; приостановления и запрещения проведения работ органами, уполномоченными на осуществление контроля (надзора), работнику до устранения нарушений или до создания нового рабочего места должна быть предоставлена другая работа, соответствующая его квалификации, либо, с его согласия, работа с оплатой не ниже среднего заработка по прежней работе на срок до одного месяца. При необходимости наниматель обязан обеспечить направление работника на переподготовку, профессиональную подготовку с сохранением на период получения образования среднего заработка.

Между тем, уголовно-исполнительное законодательство прямо не предусматривает возможности отказаться от работы в перечисленных случаях. Никто из опрошенных бывших заключенных не знал о такой возможности. Все опрошенные полагали, что они должны продолжать работу в существующих условиях, если нет очевидной и видимой угрозы жизни; 60% указали на то, что по поводу ненадлежащих условий труда они имеют право обратиться к администрации РУП и колонии; такое же количество опрошенных пытались решать эти вопросы бесконфликтно; 96% опрошенных считают недопустимым подачу официальной жалобы, поскольку за ними может последовать ухудшение отношения администрации к заключенным.

Законом предусмотрено, что в случае ухудшения состояния здоровья работника, обусловленного условиями труда, утраты профессиональной трудоспособности в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием наниматель обязан предоставить работнику с его согласия работу в соответствии с заключением врачебно-консультационной комиссии или медико-реабилитационной экспертной комиссии или обеспечить за счет средств, предусмотренных на осуществление обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, направление работника на

переподготовку, профессиональную подготовку с сохранением на период получения образования среднего заработка, а при необходимости – его реабилитацию.

Дело Андрея Князькова

В 2016 году бывший заключенный Андрей Князьков пытался добиться пересмотра сложившейся ситуации, когда он не мог обжаловать заключение о причинах производственной травмы. Ранее его история уже была предметом мониторинга:

«В январе 2011 года осужденный Андрей Князьков получил травму на производстве в ИК-15, где отбывал наказание в виде лишения свободы. Во время работы на токарном станке вылетела тяжеловесная деталь, которая попала в голову осужденному. Врачи Могилевской городской больницы диагностировали открытую черепно-мозговую травму: вдавленный перелом лобной кости со смещением обломков, ушиб головного мозга. После этого он несколько лет добивался права на материальную компенсацию. За год до освобождения он обратился в Правозащитный центр “Вясна”, описал свою ситуацию и на протяжение этого времени получает юридическую поддержку.

Спустя почти 5 лет после инцидента суд все-таки состоялся, хотя только частично удовлетворил исковые требования. Тяжелейшая травма, которая поставила заключенного на грань между жизнью и смертью, оценена судом в эквиваленте 2000 долларов США.

Андрей Князьков освободился в конце 2015 года и лично смог рассказать свою историю:

«Мы работали в цеху по металлообработке, делали детали для Могилевского автомобильного завода. У нас собрался нормальный коллектив на производстве, появился хороший заказ, мы выполняли его где-то полтора года. Потом администрации захотелось расширить это производство к новому году, она привезла новое оборудование, новые детали под новый заказ. Но получилось так, что под новое оборудование не было станков и соответствующих приспособлений. Администрация привезла токарный станок, но неподходящего класса, который был переделан уже в ремонтной бригаде самой колонии, где станок подогнали под нужные размеры. Однако, переделанное приспособление развалилось один раз, потом второй раз. Я говорил мастеру бригады, что невозможно работать на таком оборудовании, но он оставил вопрос без внимания. Когда в третий раз станок развалился, из него вылетела деталь, которая ударила мне по голове, я отлетел на несколько метров, было много крови. Случай произошел в ночную смену, мне помогли и сразу отвели в санчасть. После этого меня отвезли в больницу, где прооперировали, а затем вернули в санчасть колонии.

В результате производственная травма была установлена, меня не стали делать виновным, потому что не хватило наглости, но они не стали устанавливать чью-либо вину в произошедшем вообще.

Суд состоялся 7 декабря, за один день до моего освобождения, хотя я обращался с ходатайством о переносе даты суда на более поздний срок, чтобы присутствовать на заседании. Видимо, они проигнорировали мою просьбу и даже не уведомили меня об этом.

Решение суда было в мою пользу, но мои исковые требования – компенсация морального вреда в 200 000 000 белорусских рублей – удовлетворены были не полностью. Сумму по решению суда сократили до 40 000 000. Теперь я планирую подавать кассационную жалобу, хотя и здесь наниматель уже опередил меня и заказал для ознакомления мотивировочную часть, т.к. посчитал затребованную сумму слишком высокой и решил опротестовать решение суда.

В своей кассационной жалобе наниматель «Исправительная колония №2 г. Бобруйска» указывает, что якобы я не соблюдал инструкцию по охране труда и именно это стало причиной травмы. А также просит суд учитывать мою неоднократную судимость, характеристику с места отбывания наказания, где утверждается, что я не стал на путь исправления, и уменьшить взыскиваемую сумму с 40 000 000 на 10 000 000 белорусских рублей».

После травмы мне дали 3-ю группу инвалидности с ограничениями по работе. Здесь мне помог начмед, который выдал заключение о годности к неполному трудовому дню. Еще два года я работал в швейном цеху.

Мне сразу не хватало стажа для оформления пенсии. Когда я подал документы на пенсию, оказалось, что почти из 5 лет работы у меня вышло всего лишь 4 месяца стажа. Оказывается, что по пенсионному законодательству, трудовой стаж насчитывается в зависимости от минимальной заработной платы. Т.е. как только человек зарабатывает минимальную заработную плату – ему засчитывается один месяц трудового стажа. Самое смешное, что люди в колониях этого даже не знают, и когда им начинаешь рассказывать – они не верят.

В сентябре я настоял, чтобы мне оформили социальную пенсию, которая в местах лишения свободы не выплачивается. Администрация ходила-кричала, что ничего получать я не буду, хотели, чтобы я отказался от заявления. Социальную пенсию все же назначили в сентябре 2014 года.

Позже мне удалось собрать все документы, отправить их и спустя год, в марте 2015 года я смог им доказать, что мне положена трудовая пенсия. Мне ее назначили и предложили обратиться за перерасчетом, поскольку ранее мне была оформлена социальная пенсия. Я обратился за таким перерасчетом, но так его и не получил. Мне просто начали платить пенсию с марта. Тогда я очень сильно огорчился, собрал все документы и направил их Могилевский облисполком, который вместе с Департаментом исполнения наказаний провел проверку и установил, что колония виновата в том, что мне не назначили пенсию вовремя и она несет материальную ответственность. И я могу обратиться к ним с претензией, и потом в суд. Сейчас я жду реакции от администрации колонии, но отступать не планирую».

Могилевский областной суд, рассмотрев жалобы нанимателя и А. Князькова, оставил постановление суда Октябрьского района г. Могилева о частичном удовлетворении иска в размере 40 000 000 белорусских рублей без изменений.

В разговоре после заседания представитель нанимателя предупредила, что компенсации Андрей Князьков будет добиваться очень долго и в результате ничего не получит.

«Представители нанимателя хотели полностью переложить вину на меня, что я сам себе умышленно причинил тяжкие телесные повреждения и не имею права на моральную компенсацию. Дополнили кассационную жалобу тем, что заготовка не является источником повышенной опасности. При этом суд не принял к сведению и не учел тот факт, что я перенес вторую нейрохирургическую операцию», – говорит Андрей Князьков.

Из-за травмы головы у бывшего осужденного 3 группа инвалидности, однако после прохождения медико-реабилитационной экспертной комиссии (МРЭК) ему удалось снять все ограничения по трудовой деятельности. Но найти работу оказалось не так просто.

Прошло 4 месяца на свободе. За это время бывший заключенный смог вполне определенно составить впечатление о том, как организована на деле социализация для таких, как он. «На МРЭК мне отменили все ограничения. Спектр работ, где я могу быть задействован, достаточно большой. Также мне было рекомендовано пройти программу социальной адаптации через территориальный центр занятости. Я обратился в такой центр, но так как я лицо без определенного места жительства

(хоть и с временной регистрацией) на меня данные нормативы почему-то не распространяются, – рассказывает Андрей Князьков. – Пришлось искать работу самому. Хорошо, что мне оказали содействие в обществе инвалидов Партизанского района – устроили на социальное предприятие подсобным рабочим на зарплату в два миллиона. Мало, но хоть что-то».

К тому моменту решение суда о выплате материальной компенсации Андрею Князькову за производственную травму в размере 40 миллионов белорусских рублей приостановлено, дело истребовано в прокуратуру, где оно должно будет находится предположительно до конца апреля 2016 года.

«Ответчик уже уведомил судебного исполнителя, что будет обращаться в суд за рассрочкой выплаты. То есть опять будет назначаться заседание, но только после того, как дело вернется из прокуратуры. Думаю, что к концу года может что-нибудь и удастся из компенсации получить. Но у ответчика больше чем предостаточно вариантов, чтобы выкрутиться и ничего не выплачивать, поэтому они всячески пытаются обойти закон и избежать возмещения ущерба. Все это может тянуться до бесконечности», – сетует бывший заключенный.

Буквально перед самым освобождением Андрей Князьков обратился в Могилевский облисполком с ходатайством о проведение проверки по факту нарушения администрацией колонии пенсионных прав заключенного. Такая проверка была проведена и было установлено, что материальный ущерб в виде недоплаты пенсии был причинен осужденному по вине администрации исправительной колонии №2 г. Бобруйска.

«Мне было предложено решить вопрос о перерасчете в добровольном порядке или в судебном. Я обратился к начальнику колонии, но он сказал, что никаких нарушений со стороны колонии не выявлено. Получается, что исполком провел проверку вместе с представителями ДИН и установил вину колонии. А начальник колонии провел свою проверку и установил, что никто не виноват». После этого бывший осужденный обратился в суд, чтобы тот обязал произвести перерасчет выплат за период с апреля 2014 года до марта 2015 года.

На первом заседании суда было два представителя: от спецотдела из колонии и от исполкома. Представитель колонии по-прежнему не признавал вины за колонией.

«Я хочу, чтобы мне компенсировали разницу почти за год, или хотя бы за полгода. Сумма иска на данный момент около 3 миллионов. Судья переживает, что если я окажусь прав, то колонии еще придется компенсировать оплату всех проездов туда и обратно. Беспокоится о госорганах, а не о человеке».

В мае 2016 года суд принял решение об удовлетворении иска.

«С большего судья разобралась, что все обязанности по пересчету пенсионных выплат непосредственно лежали на администрации колонии. Все сотрудники спецотдела ИК-2 в суде заявили, что в их обязанности входило только собрать документы и отвезти их в социальные службы. Получается, что люди сидят на должностях с майорскими погонами, а выполняют обязанности курьеров. Они только собирают бумаги, а не занимаются проверкой, подготовкой, хотя это должно входить в их обязанности. И судья разъяснила эти положения сотрудникам спецотдела», – рассказал Андрей Князьков после судебного процесса.

В результате суд вынес решение о взыскании с РУП «Исправительная колония №2 г. Бобруйска» упущенную выгоду в пользу истца. Запрашиваемая предварительная сумма иска составляла 3 000 000 белорусских рублей. Судья со своей стороны истребовала необходимую информацию о перерасчете в Могилевском облисполкоме, и итоговая сумма составила 2 500 000 белорусских рублей. Колония обжаловала решение, но кассационная инстанция оставила его в силе.

Выплаты

Только в августе 2016 года Андрей Князьков реально получил компенсацию в размере 4 000 деноминированных белорусских рублей (около 2 000 евро). Хоть это всего лишь пятая часть от суммы, которую запрашивал бывший осужденный, колония предприняла все усилия, чтобы максимально задержать выплату.

Также уже вступило в законную силу и решение суда Октябрьского района г. Могилева о выплате разницы в пенсиях.

Далее Андрей Князьков при поддержке ПЦ «Вясна» планировал обратиться к председателю Могилевского областного суда с просьбой о восстановлении срока на обращение в суд по установлению вины РУП ИК №2 г. Бобруйска в производственной травме, от которого он ранее отказался по совету адвоката. Если срок будет восстановлен, бывший осужденный сможет доказать, что в полученной им производственной травме вина полностью лежит на администрации колонии, которая не соблюдала правила эксплуатации оборудования и охрану труда, чем подвергла его жизнь опасности, а по факту сделала инвалидом.

Также Андрей Князьков решил обратиться к начальнику Департамента исполнения наказаний, чтобы привлечь к ответственности лиц, которые не решили вопросы о начислении пенсии вовремя.

Финал

Ни одно должностное лицо, включая заместителя Председателя Верховного Суда, не сочло уважительной причину, по которой А. Князьков пропустил срок для обжалования определения суда сразу после освобождения, занимаясь вопросами получения регистрации и работы, поиском жилья и подготовкой к операции на открытом мозге. Отмена определения могла бы стать первым шагом к установлению виновного в производственной травме.

Приоритеты в развитии и ответственность государства

30 января 2017 В ДИН МВД состоялся семинар-совещание директоров предприятий УИС с участием начальника Департамента генерал-майора милиции Сергея Дорошко по итогам работы предприятий уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев за 2016 год. Глава ДИН обозначил приоритетную задачу производственного сектора на ближайшую перспективу: полная и эффективная трудовая занятость осужденных и лиц, находящихся в ЛТП. О каких-то изменениях в области безопасности осужденных и социальной защите заключенных руководители пенитенциарных производств не размышляли.

«Заместитель начальника ДИН – начальник управления организации производства и трудового использования спецконтингента, полковник внутренней службы Олег Лащиновский подчеркнул, что в целом в 2016 году развитие собственного производства, освоение новых видов продукции и производств, а также развитие экспортного маркетинга, дало возможность большинству подведомственных организаций обеспечить стабильное финансовое положение». Таким образом, в очередной раз опровергнут тезис о том, что государство содержит заключенных за свой счет.

«Увеличение объемов выпуска продукции на предприятиях и внебюджетных производствах позволил заработать по УИС МВД 10 млн. 237 тыс. рублей чистой прибыли. Устойчивое финансовое состояние способствовало модернизации технических средств и оборудования, обновлению автотракторного парка, энергосбережению, строительству. Благодаря решению о присоединении филиала внебюджетного производства ИК-24 к ГП «№ 4» был возведен современный 3-х этажный

швейный корпус. Также введен в эксплуатацию ряд производственных объектов: мини-завод по изготовлению топливных брикетов в «ЛТП-1», котельные в «ИК 13 – Березвечье» и «ИК № 5». С целью развития профессионального взаимодействия и определения перспектив сотрудничества в производственной сфере проведены встречи с представителями Российской Федерации, Армении, Азербайджана, Молдавии, Сербии, Болгарии, Турции, Армении, Финляндии, Голландии, Германии и Польши», – отметил положительные моменты в работе полковник внутренней службы Олег Лащиновский.

Мебель, произведенная в ИК-5, поставляется во Францию, щит мебельный – в Литву (KAUNO KOLEGIJA г. Каунас); каркасное домостроение заинтересовало немецкую «KLEBSTOFFE ADHESIVES».

Участие компаний из Европы в хозяйственных отношениях с предприятиями ДИН, где нарушаются права человека и используется принудительный, а то и рабский труд заключенных, вызывает удивление.

В заключительном слове начальник ДИН Сергей Дорошко, потребовал от директоров предприятий и филиалов предприятий пенитенциарной системы принять исчерпывающие меры по достижению эффективной трудовой занятости, что прямым образом влияет на уровень возмещения затрат на содержание спецконтингента. Именно так: только экономическая эффективность, уровень возмещения расходов, а не эфемерные соображения исправления и перевоспитания интересуют руководство ДИН в качестве приоритетной задачи.

29 мая 2015 года начальник отдела по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Ю. Горошко сообщил на брифинге в пресс-центре БелТА, что средний заработок осужденных в исправительных колониях составляет около 800 000 рублей, в учреждениях открытого типа – 3 800 000 рублей. По его сведениям, лимит наполняемости колоний – 29 210 человек.

Рекомендации:

законодателю и правительству следует внести изменения в правовые акты, регулирующие труд заключенных, в том числе ЛТП, которыми:

– устранить неравенство в вопросах предоставления основных социальных гарантий;

– установить равные условия оплаты труда, предоставления отпусков (в том числе, для совмещения работы и образования);

– предусмотреть формы вневедомственного контроля за состоянием трудовых прав заключенных.

ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ

По данным на 1 сентября 2016 года, в белорусских ЛТП находились 6 788 человек, из них - 1 341 женщина.

ЛТП – это место, где находятся в заключении, в состоянии лишения свободы люди, не совершившие преступления. Белорусские власти игнорируют тот факт, что по Конституции Беларуси лишение свободы допускается только за совершение преступления. Государству такое положение выгодно: эти люди являются дешевой, практически бесплатной, рабочей силой; а проблема принудительного труда в Беларуси очень актуальна. В 2016 году Комитет по нормам и стандартам Международной организации труда (МОТ) обратил внимание белорусских властей на необходимость привести национальное законодательство в соответствие с требованиями конвенции № 29 МОТ, провозглашающей запрет на принудительный труд по итогам рассмотрения белорусского вопроса на 105 сессии Международной конференции труда, которая прошла 6 июня в Женеве.

Правозащитному центру «Вясна» стало известно о попытке самоубийства в лечебно-трудовом профилактории №8 г. Новополоцка.

Заключенный Руслан Трубкин, попавший в исправительное учреждение 11 декабря 2015 года, наглотался гвоздей в знак протеста за отказ в досрочном освобождении.

Известно, что Руслан Трубкин за время пребывания в ЛТП прошел курс лечения, работал рабочим в цехе по изготовлению тентов, режим содержания не нарушал и обращался с ходатайством о сокращении срока содержания. Однако заключенный отмечает, что на пути исправления встретил сопротивление со стороны начальника отряда – Александра Панкрата:

«Началось с того, что я написал заявление на длительное свидание с родными, однако начальник начал изменять даты свидания, а потом и вовсе потерял заявление. В свою очередь я записался на прием к начальнику исправительного учреждения Осипову Павлу Петровичу и вопрос со свиданием был очень быстро решен положительно».

«Также при разговоре с Панкратом А. о возможности сокращения моего срока пребывания в ЛТП, он отвечал в грубой форме... угрожал, что не сократит срок, а продлит его: начнет с карцера, потом посадит пару раз на 30 суток и на суд «за добавкой», – пишет в письме Руслан Трубкин.

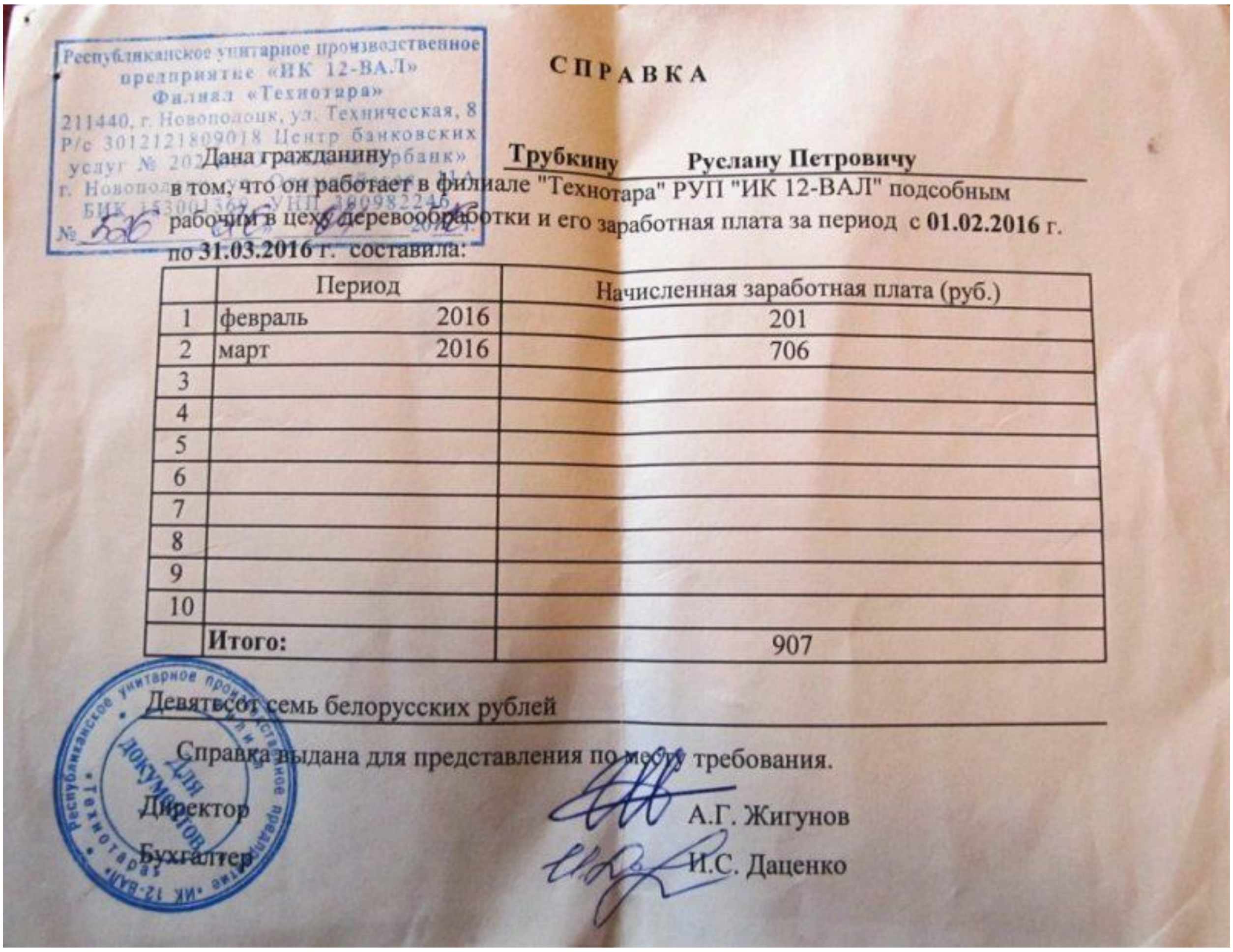
Сам заключенный подчеркивает, что «ошибся» в жизни и теперь готов вернуться в семью, где растет без отца четверо несовершеннолетних детей, пока он находится в ЛТП.

«Ведь так обидно слышать по телефону, как дети спрашивают: «Когда ты, папа, из армии вернешься? Надо велосипеды отремонтировать». А я в свое оправдание говорю, что скоро вернусь, потому что они маленькие и не понимают, где их отец. А мне стыдно перед ними и перед всеми родными, что оказался в этих местах», – жалуется Руслан Трубкин.

Однако, несмотря на образцовое поведение, на Руслана Трубкина начали оказывать давление: то его поставили на контроль с сотрудниками по уборке, то на профилактический учет как склонного к суициду.

Заключенный отмечает, что со стороны руководства отряда присутствуют поборы в виде краски на ремонт, сигарет, шоколада, кофе, а люди, находящиеся в ЛТП, боятся говорить об этом, потому что тогда они попадут под дисциплинарные взыскания.

Зарплата, которую получает Руслан Трубкин, – мизерная. Так, за февраль 2016 года он получил всего 201 неденоминированный белорусский рубль (менее 1 цента), а за март – 706 (3,5 цента).

Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 12-ВАЛ»
Филиал «Технотара»
211440, г. Новополоцк, ул. Техническая, 8

СПРАВКА

Дана гражданину **Трубкину Руслану Петровичу**
в том, что он работает в филиале "Технотара" РУП "ИК 12-ВАЛ" подсобным рабочим в цехе деревообработки и его заработная плата за период с **01.02.2016 г.** по **31.03.2016 г.** составила:

	Период		Начисленная заработная плата (руб.)
1	февраль	2016	201
2	март	2016	706
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
	Итого:		907

Девятьсот семь белорусских рублей

Справка выдана для представления по месту требования.

Директор А.Г. Жигунов

Бухгалтер И.С. Даценко

Рекомендации:

– ликвидировать институт лечебно-трудовых профилакториев.

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНАМИ

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24.10.2016 № 860 утвержден Межведомственный план по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла Универсального периодического обзора в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016 – 2019 годы. Межведомственный план является программным документом, направленным на содействие выполнению Республикой Беларусь взятых международных обязательств в области прав человека, включая совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Мероприятия Межведомственного плана по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла Универсального периодического обзора в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016 – 2019 годы согласно приложению будут осуществляться республиканскими органами государственного управления, местными исполнительными и распорядительными органами с привлечением научных и религиозных организаций, общественных объединений, финансового и технического потенциала международных организаций. Финансирование мероприятий Межведомственного плана осуществляется в пределах средств, предусмотренных в республиканском и местных бюджетах, в бюджете государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь на соответствующие цели, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

Среди мероприятий Межведомственного плана:

– продолжение всестороннего изучения вопроса о целесообразности создания в Республике Беларусь национального института по правам человека;

– продолжение практики привлечения общественных объединений к обсуждению проектов нормативных правовых актов, в том числе посредством включения в общественно-консультативные советы представителей общественных объединений, а также проведения анализа актов законодательства в части необходимости закрепления в них нормативных предписаний о расширении практики участия общественности в управлении обществом и государством;

– проведение ревизии работы общественных консультативных советов при республиканских органах государственного управления в целях повышения прозрачности их деятельности 2016 – 2019 республиканские органы государственного управления и продолжение практики приглашения общественных объединений к участию в национальных и международных мероприятиях по вопросам поощрения и защиты прав человека;

– проведение анализа претензий, наиболее часто адресуемых белорусскими гражданами в Комитет ООН по правам человека в рамках процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений, а также принятых по ним соображениям Комитета в целях возможного учета при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в данной сфере; изучение международного опыта взаимодействия с Комитетом ООН по правам человека в рамках процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений, включая подходы государств к реагированию на соображения Комитета, запросы об их публикации, а также возможности использования зарубежного опыта в Республике Беларусь;

– проведение анализа законодательства в части соответствия Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы от 9 декабря 1998 года;

– сотрудничество с правозащитными механизмами, включая договорные органы;

– продолжение практики приглашения с официальными визитами специальных тематических процедур Совета ООН по правам человека; изучение международного опыта направления постоянно действующего приглашения специальным тематическим процедурам Совета ООН по правам человека;

– продолжение практики информирования специальных тематических процедур Совета ООН по правам человека по вопросам их мандатной деятельности;

– изучение с учетом международного опыта вопроса о целесообразности создания в Представительстве ООН/ПРООН в Республике Беларусь поста советника Управления Верховного комиссара ООН по правам человека;

– проведение анализа актов законодательства в части необходимости закрепления в них нормативных предписаний о недопустимости дискриминации по любым признакам, а также определение целесообразности подготовки комплексного законодательного акта о запрете такой дискриминации;

– расширение практики привлечения общественных организаций к деятельности по реализации прав осужденных;

– изучение международного опыта по обеспечению аудио- или видеозаписями допросов в территориальных органах внутренних дел и следственных изоляторах в качестве средства предотвращения пыток и жестокого обращения, рассмотрение целесообразности применения такого опыта в Республике Беларусь;

– реализация Программы строительства и реконструкции зданий и сооружений Департамента финансов и тыла Министерства внутренних дел, главного управления внутренних дел Минского горисполкома, управлений внутренних дел облисполкомов на 2011 – 2017 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 февраля 2011 г. № 195, в том числе в целях дальнейшего улучшения материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания;

– проведение мероприятий в целях всестороннего рассмотрения международных тенденций в вопросе о применении смертной казни и отношения к этой теме общественности;

– обсуждение вопроса о корректировке законодательства, предусматривающей приостановление рассмотрения уголовного дела в суде до проведения проверки заявлений обвиняемого о применении к нему пыток в целях добиться признательных показаний;

– изучение вопроса о целесообразности создания специализированного административного судопроизводства по рассмотрению споров между гражданами и государством в лице государственных органов и должностных лиц;

– рассмотрение с учетом международного опыта целесообразности внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты по вопросам задержания и заключения под стражу, административного задержания;

– подготовка законопроекта о внесении в Кодекс Республики Беларусь об образовании изменений, предусматривающих организацию образовательного процесса для получения общего среднего образования несовершеннолетними, заключенными под стражу;

– изучение целесообразности внесения в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь дополнений, предусматривающих предоставление лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, возможность получения среднего специального и высшего образования в дистанционной форме;

– изучение возможности расширения доступа лиц, содержащихся в воспитательной колонии, к профессионально-техническому, среднему специальному, высшему и дополнительному образованию.

Правозащитный центр «Весна» – неправительственное правозащитное объединение с центром в г. Минске и региональными представительствами в 17 городах Беларуси, основанное в апреле 1996 года.

Основной целью деятельности ПЦ «Вясна» является содействие формированию гражданского общества, основанного на уважении прав человека, вытекающих из Всеобщей декларации прав человека и Конституции Республики Беларусь.

Правозащитный центр "Весна" в 2004 году принят членом в Международную федерацию за права человека (FIDH).

Одним из направлений работы ПЦ «Вясна» является аналитическая деятельность: мониторинг административного и уголовного преследования, мониторинг пенитенциарной системы, мониторинг нарушений прав пред время избирательных кампаний.

Контакты:

220012, г. Минск, ул. Мержинского, 8-26.

Тел. +355 17 280 23 11, +375 29 841 39 81